

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

МАША
МОРАН

РАЗВРАТНАЯ

Маша Моран
Развратная

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Моран М.

Развратная / М. Моран — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Вика – обычная учительница. Она давно замужем. Павел – дикий и жестокий. Он бывший Викин ученик и давно одержим ею. Противостоять ему нет сил. Вику затягивает в омут страсти и сумасшествия. Между ними боль и нездоровая тяга друг к другу. Они намертво застряли между Викиным мужем и убийством, в котором подозревают Павла. Что победит в этой войне? Рассудок или большая страсть? Реалистичное описание секса, героиня старше героя. Содержит нецензурную брань.

Пролог. Садистка

Сейчас Вика ощущала себя акулой, которая нарезает круги под шатающимися на доске пиратами. Или возле истекающих кровью моряков, успевших в последний момент забраться в спасательную шлюпку. Только вместо пиратов ей достался одиннадцатый «А». А вместо запаха крови – нехорошее предчувствие. Они что-то затеяли! Она точно знала. Их странные перемигивания на перемене, с трудом сдерживаемые ехидные улыбочки и тихие смешки прямо перед самостоятельной работой ничего хорошего не предвещали. Вика прошла между первым и вторым рядом, обогнула последнюю, оставшуюся свободной парту, и обернулась, рассматривая склоненные головы своих учеников. У нее был просто фантастический нюх на всевозможные шпаргалки. За это ее прозвали Злобной садисткой. Еще бы! Молодая учительница, едва окончившая университет, без опыта работы, но списать у которой было невозможно. Она пыталась вложить в светлые, и не очень, головы знания. Они же ее за это ненавидели. Вика поправила небольшой бант у шеи. Ничего, потом еще «спасибо» скажут. Да ладно, кого она обманывает? Слов благодарности она от них и не ждала – лишь бы учились прилично.

Вика как раз думала вернуться в начало класса, когда Савельев и Туманский переглянулись. Неторопливый поворот головы и едва заметный кивок. Господи... Ничем хорошим это точно не кончится. Не сводя с них глаз, Вика двинулась вперед. Она специально замедлила шаг, высматривая шпаргалки или мобильные телефоны, но... Ничего. Оба что-то сосредоточенно писали в своих работах. Савельев заполнил мелкими кривыми буквами всю страницу. Туманский сосредоточенно подчеркивал члены предложения. Вика быстро преодолела оставшийся до доски путь и повернулась к классу. Едва слышно поскрипывали стулья, иногда шелестели страницы в тетрадях. Савельев развалился за партой и с мечтательным видом уставился в потолок. Туманский постукивал линейкой по столешнице. Вика скрестила руки на груди и бросила взгляд на часы. Еще пятнадцать минут. Это же совсем немного, верно? Осталось чуть-чуть, и она сможет вздохнуть свободно. Неподвижно стоять на месте не выходило, а дурное предчувствие нарастало. Вика решила сделать еще один круг по кабинету. Она медленно шла между двух рядов, когда подозрительное копошение за спиной заставило ее обернуться. Сидящая за первой партой Лера Ибрагимова, едва-едва вытягивающая на «тройку» сползла на стуле и пыталась ногой что-то подпихнуть ногой под Викин стол. Савельев неотрывно следил за ней. Туманский повернулся к нему и быстро кивнул. Ибрагимова тоже повернулась. Она взглянула прямо на Вику. Осознание того, что она попало, заставило Леру покраснеть. Черт! Да она сравнялась цветом лица с кирпичом! Наверное, Савельев и Туманский поняли, что Вика их застукала. Савельев резко дернулся и уставился на Вику. Вид у него стал испуганный. А вот Туманский оставался неподвижен. Он замер, как каменное изваяние, по-прежнему глядя в Лерину сторону, но ничем не выдавая своей причастности. Вика молча наблюдала за этой сценой. Ей и хотелось их поймать, и было любопытно, что они задумали. Вдруг Туманский медленно поднял руку. Савельев и Ибрагимова уставились на него с выражением ужаса на лице. Неужели, решил заложить товарищей? Все-таки, кишка оказалась тонка на мелкие пакости. Вика, с трудом сдерживая торжествующую улыбку, медленно подошла к Туманскому.

– Тут нужно выписать безличное предложение, но их два.

Вика пробежала глазами по заданию, на мгновение забыв об Ибрагимовой и том, что она пыталась сунуть под стол.

– Нет, здесь одно безличное предложение. Прочитай еще раз и внима...

В этот самый момент из-под ее стола повалил дым и послышалось странное шипение. Весь класс испуганно замер. По кабинету поплыл ужасающий запах какой-то тухлятины. Дыма стало больше. Густой и сероватый, он пыльными клубами растекался во все стороны, заполняя собой все свободное пространство. Послышались испуганные вскрики и возгласы. С тихим свистом в стороны полетели яркие искорки. Девочки уже во всю голосили.

– Кажется, что-то дымит. – Голос Туманского и его отстраненный равнодушный тон вывели Вику из ступора.

– Так! Быстро встали и выходим из кабинета! Не толпимся. Девочки идут первыми. Влащенко, оставь ты свои вещи!

– Но у меня тут телефон, Виктория Сергеевна!

– Никуда не денется твой телефон. Живее давайте!

Дым уже заволок весь кабинет. Вика закашлялась.

– Зорова, почему ты до сих пор не вышла?!

– Мне один вопрос остался, Виктория Сергеевна...

Отличница Полина Зорова судорожно что-то дописывала, размахивая ладонью, чтобы прогнать дым. Вика вырвала ее работу, схватила Полину за руку и вытащила из кабинета. Полина хныкала и что-то бормотала, но Вика ее уже не слушала. Она пересчитала детей и, удостоверившись, что все на месте, повела их на первый этаж. Завхоз, Геннадий Борисович, ошивающийся возле столовой, удивленно поднял брови. Стараясь, чтобы голос не дрожал, Вика быстро затараторила:

– Геннадий Борисович, в тридцатом кабинете ЧП. Надеюсь, не пожар, но там что-то искрит, и все в дыму...

Геннадий Борисович аж поперхнулся. Он уставился на Вику и пробормотал:

– А что же делать?

Позади раздалось хихиканье. Вика бросила взгляд за спину. Улыбки тотчас испарились с лиц.

– Вам лучше знать, что делать, Геннадий Борисович! Я вывожу детей.

– Так мы ж, вроде, не горим.

Вика тяжело вздохнула:

– Будет прекрасно, если вы выясните наверняка.

Не собираясь больше спорить, она повернулась к классу.

– Все за мной.

Боковым зрением Вика заметила, как Ибрагимова быстро что-то зашептала на ухо Савельеву. Тот усмехнулся и ткнул локтем в бок Туманского. То, что дым и искры их рук дело, Вика не сомневалась. Ну, ничего. Она устроит им хорошую головомойку! «Хотели сорвать урок? Вы своего добились. Будете праздновать в кабинете директора».

– Видимо, Виктории Сергеевне просто показалось...

– Виктории Сергеевне лучше следить за учебным процессом.

– Но я видела, как...

– Что ж, извините Андрей Дмитриевич, что выдернули вас с работы и потревожили. – Директриса, Зинаида Валерьевна, бесцеремонно перебила Вику и изобразила на лице бесконечное сожаление.

Андрей Дмитриевич Туманский оставался совершенно невозмутимым. Только когда смотрел на Вику презрительно кривил губы. Ему было около пятидесяти. Темные волосы тронуты сединой. Деловой костюм идеально скроен и сидит по фигуре. Вика не нашла ни одной складки, как ни пыталась. Его наглый сыночек сидел напротив Вики, впившись взглядом в унылый бант на ее блузке. За те полтора часа, что он провел в кабинете директора, на его лице не дрогнул ни один мускул. Он оставался абсолютно равнодушным. И молчаливым. А вот Савельев и Ибрагимова, наоборот, тряслись и переглядывались друг с другом. Но тоже продолжали все отрицать. Их родители уже давно ушли, пообещав разобраться во всем случившемся. Последним приехал отец Туманского. Он смотрел на всех вокруг, как на мерзких насекомых, и сразу было ясно, что никакой вины он за сыном не признает. Будь она хоть тысячу

раз доказана. Но Вика ничего доказать не могла. Ей оставалось молча сидеть напротив отца и сына, изо всех сил стараться держать спину прямо и не разрыдаться.

– Я надеюсь, инцидент исчерпан и больше меня не будут беспокоить? – Туманский старший поднялся, давая понять, что разговор окончен.

– Нет, конечно нет, Андрей Дмитриевич. Еще раз приносим свои извинения, что отвлекли от работы и...

Туманский, не слушая, направлялся к выходу из кабинет. Его сын не спеша встал, подхватил с пола рюкзак и кивнул директорисе:

– До свидания.

Проходя мимо Вики, он задержал на ней свой по-прежнему безучастный взгляд и с каменным выражением лица подмигнул. Не произнеся больше ни слова, он вышел. Вика открыла рот от удивления. Вот же гаденыш! Она гневно развернулась к Зинаиде Валерьевне, которая не только не защитила ее, но и позволила оскорбить. Но та не дала ей вставить ни слова.

– Вика! Ты о чем вообще думаешь? Это же Туманские! Я, конечно, все понимаю... Но такой глупости я от тебя не ожидала.

Вика потеряла дар речи. Она почувствовала, как щеки заливают жар от унижения и обиды. Выходит, она еще и виновата?! Вика горячо выпалила:

– Он, Ибрагимова и Савельев притащили в кабинет какую-то гадость, сорвали тест и... А если бы другие дети пострадали?

Зинаида Валерьевна небрежно отмахнулась:

– Там была какая-то жидкость, ничего опасного. А вот тебе нужно было подумать, прежде чем вызывать одного из самых влиятельных людей в городе. И наверняка в стране! Повезло еще, что жалобу на нас не накалал.

Вика не верила своим ушам.

– А что они придумают в следующий раз? Взорвут школу?

– Господи, Вика! Типун тебе на язык. Но то, что ты видела, как они пару раз переглянулись... Это же смешно звучит! И ладно еще Ибрагимова, но Туманский...

– Но...

– Так, все, угомонись! Просто дотащи их до экзаменов. И хватит уже дурью маяться! От тебя все классы и так стонут. Куча материала, домашних заданий и что за дополнительные опросы из-за шпаргалок?

Вика несколько раз открыла и закрыла рот. Она посвящала всю себя работе, старалась, чтобы детям было интересно, старалась объяснять сложные вещи доходчиво. И, конечно, хотела, чтобы они выучили и запомнили хоть что-то из того, что она говорила. А теперь выходит, что она плохой педагог?

– Они же дома ничего не учат. Я и пытаюсь, чтобы хоть на уроках...

Зинаида Валерьевна резко ее перебила:

– Вика, ау, очнись! Тебя уже садисткой называют. Умнее они не станут. А ты мне только проблемы создаешь. Даже в коллективе тебя... не очень любят.

– Что? Но...

– Коллеги говорят, что ты хм... высокомерна. И считаешь себя лучше других. А у нас такого не терпят. Это самая обычная школа. И ученики тут самые обычные. Конечно, попадают такие, как Туманский, но очень редко. У них какие-то жизненные обстоятельства, чтобы ходить к нам. В общем, не создавай мне дополнительных проблем. Хватит дрессировать детей и пытаться быть лучше других. Я бы не хотела заставлять тебя писать по собственному. Все поняла?

Вика поняла, что ей нужно как можно скорее уйти, сбежать. Иначе она разрыдается прямо здесь. Это унижение уже сложно будет вынести. Зинаида Валерьевна окинула ее строгим взглядом:

– Мы договорились?

Вика кивнула и тихонько проямлила:

– Да.

– Ну тогда иди.

Она вырвалась в пустынный гулкий коридор и, с трудом сдерживая, слезы, взбежала по лестнице. В кабинете пахло какими-то химикатами, на полу остались темные пятна, похожие на подпалины. Стулья и парты стояли криво. Вика схватила сумку, выключила свет и, заперев дрожащими пальцами дверь, вырвалась из школы. Как только она оказалась за забором, слезы потекли по щекам. Зажав холодной ладонью рот, чтобы не было слышно собственного громкого всхлипа, Вика огляделась по сторонам. Начался дождь. Крупные капли падали на асфальт темными кляксами. Блузка неприятно липла к коже. Капли на стеклах очков превратили мир в размытое пятно. Вика побежала в сторону темной хмурой рощи недалеко от школы. Дождь усилился. Холодные капли смешивались с горячими слезами, которые уже не удавалось сдерживать. Под зеленым потолком из листьев и веток было сумрачно. Дождь набирал силу. Влажная одежда обтянула тело, выбившиеся из хвоста пряди безжизненно повисли, из горла вырвался всхлип. Вика упала на мокрую скамейку, сняла очки и размазала по линзам воду. Ей и так сложно. Ничего в жизни не давалось легко. Каждый день приходилось бороться за свою жизнь. Детство закончилось слишком рано. У нее ничего не было. Ни надежды на что-то хорошее. Ни поддержки. Только работа, которой она отдавала всю себя. Забывая о сне и отдыхе, Вика готовилась к урокам. Она так старалась сделать скучный материал интересным, научить детей всему, что знала, помочь им... А теперь выходит, что она выскочка, которую ненавидят дети и коллеги. Вика громко заплакала. Шум дождя перекрывал ее рыдания. Капли попадали на губы и язык, распространяя вокруг себя холод. Запах сырой земли навевал мысли о кладбище. Вдруг над ней нависла огромная тень. Вика резко подняла голову и неуклюже нацепила очки обратно. Через мокрые стекла она увидела мутный мужской силуэт. Он держал над Викторией зонт, ничуть не заботясь, что сам стоит под дождем. Первое, что бросалось в глаза – густые темно-каштановые волосы. Прямой взгляд и добрая улыбка притягивали Викин взгляд. Он присел рядом, продолжая держать зонт над ее головой:

– Неужели вы так расстроились из-за того, что забыли зонт?

Голос у него оказался очень красивым. Мягким и бархатистым. Вика по-детски шмыгнула носом. Она не собиралась разговаривать с незнакомцами, какими бы красивыми они ни были. Но с удивлением услышала собственный, хриплый и прерывающийся от рыданий голос:

– Нет. – Похоже на кваканье лягушки. Рядом с его тягучим тембром звучало особенно жалко.

Он улыбнулся чуть шире, и Вика поняла, что ужасно хочет улыбнуться в ответ. Ругая себя, она сдержалась. Мужчина чуть поднял брови:

– Это была шутка.

Вика отвернулась. Ей не хотелось смотреть на его красивое лицо и видеть на нем жалость. Он легонько тронул ее за плечо. От теплого, едва осязаемого прикосновения, почему-то стало спокойнее:

– Ссора с парнем?

Вика отодвинулась, его ладонь застыла в воздухе, а на лице появилось грустное выражение. Ей хотелось, чтобы он еще раз коснулся ее плеча, и она уже начала себя ругать за дурацкий поступок. На маньяка он похож не был. Наоборот... Такие мужчины никогда прежде не обращали на нее внимание. Пусть даже желая утешить. Вика отвернулась, гордо выпрямив спину:

– С чего вы взяли?

– Ну, я не знаю, какая еще может быть причина, чтобы так плакать.

Его обаянию невозможно было сопротивляться. Вика не выдержала и снова посмотрела на него. Глаза насыщенного карего цвета. Красивые. Загипнотизированная, Вика пробормотала:

– Это из-за работы.

Он опять улыбнулся. На щеках появились ямочки. Он выглядел, как воплощенная в реальность мечта тысяч женщин.

– А с парнем как дела?

Он что, издевается?! Вика неуклюже поднялась со скамейки, ступая под дождь. Лишенная защиты его зонта она опять оказалась под холодным потоком.

– Причем здесь мой парень?!

Он тоже поднялся и вновь спрятал ее под широким черным зонтом.

– Просто пытаюсь понять, придется ли отбивать тебя у него. – Он вдруг перешел на «ты» и улыбнулся еще шире.

Вика не знала, что сказать. Она ошарашенно молчала, часто моргая и пытаясь понять, не является ли он плодом ее воображения. В уголках его глаз появились едва заметные крошечные морщинки. Они сделали этого странного мужчину еще более привлекательным.

– Ну что ты молчишь? Я волнуюсь, между прочим.

Вика почувствовала, что краснеет.

– У меня нет парня...

Она опустила глаза, рассматривая свои старенькие скромные туфли.

– Отлично! Я – Рома.

Вика сделала глубокий вдох, понимая, что слезы давно уже высохли. Лицо неприятно стянуло, но ей было все равно. Рома смотрел на нее так, словно был безумно рад их неожиданной встрече. Кажется, один из самых ужасных дней в ее жизни превращался в самый лучший.

Глава I. Одинокая

Десять лет спустя...

Тихо за окнами. Мрачен и темен

Вечер, как ястреб, уснул на крыле.

Холодно в комнате, холодно в доме.

Холодно мне без тебя на земле... (с) Лев Ошанин

Когда Вика вышла от врача, уже начинало темнеть. Деревья уныло опустили голые ветки, покрытые снегом и ледяной коркой. Холодный ветер скользнул под тонкое пальто и добрался до сердца, сжимая его морозной ладонью. Вика не удержалась и всхлипнула. Но слезы тут же замерзли на ресницах. Ком в горле мешал дышать. Вика пыталась проглотить его, хватая ртом стывший воздух, но стало только хуже. Едва переставляя ноги, она побрела на автобусную остановку. Ботинки тут же промокли. Они вязли в снегу, и двигаться становилось все труднее. Вике казалось, что к ногам привязали тяжелый камень. И теперь она бредет в мутной воде, чтобы навсегда остаться на дне. На остановке маячили точно такие же, как она, замерзшие бедолаги. Их уставшие злые лица белели в надвигающихся сумерках. Вике казалось, что все они знают о ее несчастье и смеются над ней. На, получи! Но скорее всего, им даже дела до нее не было. Наверное они были заняты тысячей своих собственных проблем. Совсем стемнело. Мимо на черепашьей скорости проезжали автомобили. В их стеклах отражались радостные оранжевые огни – отсветы включившихся фонарей. Вика всегда хотела машину – автомобиль решил бы кучу проблем. Можно было бы съездить куда-нибудь на отдых. Чаше навещать родителей. Да и ей на работу – в другой конец города – было бы проще добираться. Но денег не хватало. Они и так еле-еле сводили концы с концами. Рома хотел купить им квартиру – в новом доме, удоб-

ную, просторную. Он запретил Вике даже заводить разговор о том, чтобы снять деньги со счета и бережно откладывал каждую копейку. А ей очень нужны были деньги. Не на машину, нет. На операцию. Сегодня врач подтвердил: это ее единственная возможность забеременеть. И то, шансы меньше пятидесяти процентов. А ей ведь уже тридцать пять... Подъехавший автобус обдал грязной жижей, вырвавшейся из-под колес. Кто-то недовольно заворчал, стоящий рядом подросток матернулся, а Вика лишь крепче сжала сумку и встала в длинную очередь, желающих попасть домой.

В автобусе было душно. Очки тут же запотели, и пришлось долго наощупь ковыряться в сумке, чтобы достать деньги. От кого-то несло перегаром, от кого-то луком, а стоящий рядом мужик все время пялился на нее и противно ухмылялся, демонстрируя отсутствие переднего зуба. Ужасно хотелось его ударить. Разбить в кровь мерзкую физиономию и лишить остальных зубов – желтых и кривых. Как же ее все достали! Начальство, наглые ученики, коллеги, пытающиеся взвалить на нее свою работу. Теперь еще этот автобус... Вика попыталась отодвинуться от мерзкого мужика, который едва ли не наваливался на нее. Ее сумка коснулась локтя дородной тетку, которая заняла своим телом полтора сидения. Тетка окатила Вику злобным взглядом и громко, на весь автобус, проревела:

– Что ты тычешь в меня своей сумкой?!

К Вике тут же повернулся десяток пассажиров. Все они смотрели на нее с осуждением. Господи, когда же это все кончится? Прижав злосчастную сумку к животу, Вика выдавила:

– Я нечаянно... Она только немного вас коснулась.

Кажется, ее ответ только сильнее разозлил тетку. Она вся заколыхалась, оба висящих подбородка задрожали. Торчащие из них белые волоски гневно топорщились в разные стороны. Вика ощутила рвотный позыв. Тетка развернулась к ней всей своей мерзкой тушей.

– Вот же наглая дрянь! Она еще спорит! А ну пшла вон!

Вика сжалась в комок. Раньше бы она промолчала, но сейчас...

– Вы же сидите! Я всего лишь...

– Ой, девушка, ну что вы спорите? Ударили женщину, еще и возмущаетесь! – Сидящая за теткой старушенция с морщинистым, как у бульдога лицом и голубыми тенями на обвисших веках, поджала губы, рассматривая Вику.

Слезы выступили на глазах, но Вика из последних сил старалась их сдержать.

– Я не ударила...

– Я все видела! – Старуха-бульдог злобно прищурилась.

– Да что вы могли видеть?! Я...

– Нет, ну вы посмотрите на нее! – Старуха взмахнула руками.

Сидящий рядом с ней мужик хмыкнул:

– Молодежь сейчас обнаглевшая...

Многие пассажиры согласно закивали и начали увлеченно обсуждать тему «обнаглевшей молодежи», то и дело бросая на Вику осуждающие взгляды. Глаза защипало еще больше, в горле встал комок. Почему?! Почему все это происходит именно с ней? Автобус вильнул в сторону, подъезжая к очередной остановке. Вика мертвой хваткой вцепилась в поручень, чтобы не завалиться на толстую тетку. Та выставила в сторону огромный локоть и с такой силой толкнула Вику в живот, что она полетела на беззубого хмыря. Он не растерялся и, делая вид, что помогает ей устоять на ногах, начал шарить рукой по груди. Вика попыталась отодвинуться, но неловко дернулась и снова задела злосчастной сумкой тетку. Как торговка на базаре, она заголосила на весь автобус:

– Нет, ну вообще хамка! Размахивает тут...

Дальше Вика не слушала. Опустив голову и тихо извиняясь, чтобы не было слышно ее всхлипываний, она начала прокладывать себе путь к выходу. Из-за слез ничего не было видно. Она умудрилась кому-то наступить на ногу, за что тут же получила новую порцию оскорбле-

ний. Тошнота стала нестерпимой. Ей нужно сейчас же не вырваться из плена злобы и ненависти. Автобус наконец остановился, с тихим шипением открылись двери, и Вика выскочила наружу. Сквозь слезы и блики на линзах очков она смогла разглядеть только смутные очертания домов. Совсем уже стемнело. В окнах зажегся свет, но его не хватало, чтобы понять, где она находится. Вика перешагнула гору снежной жижи у тротуара и огляделась. На душе еще никогда не было так паршиво. Так мерзко и грязно. Воздух, пропахший выхлопами, вызывал головокружение. Вика сняла очки и попыталась стереть с лица слезы. Кожу неприятно стянуло, как будто кто-то пытался ее содрать. Она ощущала себя в плену у маньяка – сколько еще пыток придется выдержать сегодня? В кармане пикинул телефон. Предчувствуя очередные дурные новости, дрожащими руками Вика обхватила холодный пластик. Сообщение от Ромы: «Придется задержаться на работе. Ждать не надо. Разогрей ужин и оставь на столе». Вот и все... Будто и не было десяти лет брака. Выходит, она не заслужила ни «Привет», ни «Как дела?»? Только сухая и бездушная смс-ка. Не жене, нет, – домработнице. А ведь Рома знал, что сегодня она должна была сходить к врачу. И даже не позвонил. Он не хотел ребенка так, как Вика. Говорил, что она принимает все близко к сердцу, что нужно пожить в свое удовольствие. Да, когда была моложе, Вика безропотно соглашалась с Ромой. Она безумно его любила и была согласна на все. Тогда казалось, что она действительно еще все может успеть. Но время шло. Забеременеть не удавалось. Предложение взять ребенка из детдома Рома категорически отверг. Их спор закончился скандалом и ссорой. Но она согласилась. Она почти всегда с ним соглашалась, любя до безумия. Рома казался ей идеалом мужчины. Красивый, умный, веселый. Раньше она часто задавалась вопросом: что он в ней нашел? Почему выбрал именно ее? Ведь вокруг было столько красивых девушек. Намного красивее Вики. Но он сделал предложение ей. Так что изменилось? С каждым годом их брак должен был крепнуть, но получалось наоборот.

Вика вытерла еще одну слезинку и поправила очки. Ну, раз «придется задержаться», пусть задерживается. Может хоть всю ночь там просидеть! Вика осмотрелась. Она всегда плохо ориентировалась, и этот район видела только из окна автобуса. Мрачные серые коробки домов, перегоревшие фонари, горы снега вместо бордюров и неприветливые переулки. Дождаться следующего автобуса? Вика передернула плечами. Нет. Она доберется пешком. Час, два – какая разница, сколько времени потребуется? Рома ждать ее не будет. Ее вообще никто не ждет. Сердце болезненно кольнуло. Она неправа. Муж работает, собирая деньги на новую квартиру, а она обижается непонятно на что. Да, написал сообщение. Но он ведь занят. Попросил оставить ужин. Но он придет домой, уставший, голодный. Разве ей сложно? Дура. Обижается на того, кто всегда ее поддерживал, заботился. Конечно, оставит она ему ужин. Даже приготовит что-нибудь необычное. Но в автобус больше не сядет. Пешком лучше дойдет.

Вика выбралась на протоптанную в снегу тропинку и пошла мимо угрюмых домов. Лишь бы не заблудиться. Она старалась держаться дороги, но все время сворачивала куда-то не туда, отвлекаясь на ворох мыслей в голове. Рома написал, что его можно не ждать. Но она обязательно дождется. Накормит его горячим ужином и расскажет о результатах обследования. Постарается убедить... Она уже не молода и тянуть еще дольше не может. У нее осталась одна возможность выносить ребенка, и если Вика ею не воспользуется, то... Ничего. Со всем можно справиться. Вика постаралась прогнать из головы черные мысли. Они спокойно сядут и поговорят. Обсудят, как лучше поступить. Но не сегодня. Он устал на работе. Она тоже вымоталась. Работа, врач, автобус... В воскресенье можно. Вика приготовит ужин, зажжет свечи, наденет красивое платье. Они придумают, как лучше поступить. Обязательно придумают.

Вика так увлеклась планированием предстоящего ужина, что не заметила, как зашла в темный переулок. С обеих сторон примостились частные дома, вперемешку с гаражами. Заснеженная дорога извивалась змеей, заворачивая вправо. Пятна света от одинокого фонаря едва хватало, чтобы разглядеть, куда ставить ногу. Все время спотыкаясь, Вика старалась держаться за сменяющиеся друг друга заборы. В темноте ничего не было видно. Вика лишь надеялась, что

не переломает ноги, пока выберется из мрачного проулка. Она уже почти дошла до поворота, когда неловко поскользнулась. Ладонь шарила по забору в попытке ухватиться за что-нибудь, но пальцы касались лишь сплошной стены. Тихо вскрикнув, Вика полетела вниз. В самый последний момент кто-то вцепился в ее предплечье и рывком потянул на себя. Чужие пальцы болезненно впивались в кожу даже сквозь слои одежды. Наверное, синяки останутся... Вику обдало вонью перегара. Она постаралась отодвинуться, но оказалась зажата между забором и темной фигурой. Даже без света она поняла, кто был перед ней.

– Ты бы поосторожнее. – Мужик из автобуса мерзко ухмыльнулся и придвинулся к Вике.

От страха ее бросило в жар. Здесь он казался еще крупнее, чем в автобусе. На вид лет сорок. Отсутствие зуба делало его похожим на маньяка. Вика крепче сжала сумку и попыталась вырваться, тихо бормоча:

– Спасибо, что помогли...

Она дернулась в сторону, но он почти навалился на нее сверху:

– Ну че ты? Куда заторопилась?

От угрозы, звучащей в его голосе, снова накатила тошнота. Такого страха Вика не испытывала ни разу в жизни.

– Отойдите, пожалуйста... Я спешу...

Вика предприняла еще одну попытку выбраться из ловушки: начала разворачиваться боком, чтобы иметь возможность ударить его хотя бы локтем или плечом. Но он грубо схватил ее за шею и приложил затылком к забору. Шапка немного смягчила силу удара, но перед глазами все равно мелькнула темнота. Господи... Да за что же ей все это?! Вика попыталась закричать, но получила болезненную пощечину. Очки полетели в снег.

– Хватит строить из себя целку! Сейчас мы с тобой повеселимся.

Он схватил и потащил за собой. У Вики плыло перед глазами. На языке ощущался солоноватый привкус крови. Мысли неповоротливо перетекали одна в другую. Нужно что-то делать. Как-то сопротивляться.

– Шевели ногами! Тебе понравится...

Это ее последний шанс вырваться. Резко выпрямившись, Вика изо всех сил попыталась ударить его локтем в лицо. Вонючая скотина задохнулась от боли.

– Тварь!

На секунду он разжал хватку, и, почувствовав свободу, Вика бросилась бежать. Ноги утопали в снегу, подошва скользила по утопанной тропинке, дыхания не хватало. Без очков, со слезящимися глазами и тупой пульсацией в голове, она передвигалась так быстро, как только могла. Резкая боль обожгла затылок.

– Ах ты шалава! Щас посмотришь у меня!

Он догнал ее, схватил за волосы, едва ли не вырывая их, и снова ударил по лицу. На этот раз, кажется, кулаком. Вика клацнула зубами и вскрикнула. Больно безумно. Будто лицо резали сотней ножей.

Он швырнул ее в снег и навалился сверху. Вслепую Вика размахивала руками, дергалась, стараясь сбросить с себя вонючую тушу, но ничего не получалось. Его мерзкое дыхание прошло по лицу. Внезапно Вику ослепила яркая вспышка света. Она боялась зажмуриться, держала слезящиеся глаза открытыми, чтобы из последних сил попробовать впиться ногтями в его лицо или ударить, или...

Какая-то невидимая сила подняла вонючего урода в воздух и швырнула прямо на каменную стену. Он вскрикнул, что-то забормотал, но тут же замолк. Послышались звуки ударов, хруст и странное бульканье. С трудом Вике удалось сесть, но от резкого движения ее снова замутило. Перед глазами расплывались очертания домов, от яркого света пульсировало в висках. Она могла разглядеть лишь размытую высокую фигуру, замершую над черной кучей. Вика откашлялась, стирая с губ кровь. Нужно бежать... Где же очки? Без них она почти слепая.

Вика огляделась и вздрогнула, когда раздался звук нового удара. За ним послышалась цепочка самых грязных ругательств, какие она только слышала в своей жизни. Но голос был уже другим. Низким и хриплым, незнакомым. Вика судорожно шарила руками в снегу, не обращая внимания на холод, боль и то, что пальцы уже почти не гнутся.

Еще один удар и хруст. Теперь Вику уже трясло. Незнакомый голос где-то в отдалении прошипел:

– Ты, с*ка, уже инвалид. А увижу еще раз рядом с ней, отрежу все, что осталось.

От услышанных слов Вику накрыло ужасом. Она уже не знала, кого и чего бояться. Слезы текли из глаз, обжигая солью распухшее от ран лицо. Внезапно рядом мелькнула чья-то рука. Вика судорожно повернулась, ожидая нового удара, но покрытая кровью ладонь выудила из снега очки и протянула ей. Вика схватила холодную дужку и быстро надела. Мир, нехотя, обрел четкость. В ярком пространстве света от автомобильных фар она смогла разглядеть ту самую черную кучу, которая оказалась едва не изнасиловавшим ее уродом. Он лежал у каменной стены какого-то дома, согнувшись в три погибели, и прижимал руки к животу. Его лицо превратилось в месиво. Вика в жизни подобного не видела. От ужасного зрелища желудок скрутило узлом. Но хуже было другое... Вика перевела взгляд ниже: он держался вовсе не за живот, а за пах. Снег рядом с его бедрами пропитался кровью, и ее становилось все больше. Господи... Вика почувствовала, как по спине медленно стекает капля пота. Сбоку произошло какое-то движение, и Вика, как затравленный зверь, быстро обернулась. Ее спаситель сел на корточки, спокойно зачерпнул ладонями горсть снега и обтер окровавленные руки. Каждое его движение было настолько четким, выверенным и хладнокровным, что Вика задалась вопросом: а не ждет ли ее что-то хуже изнасилования в подворотне? Время, кажется, остановилось. В свете фар блеснуло и тут же исчезло длинное тонкое лезвие. Против такого она не выстоит. Можно даже не сопротивляться. Словно со стороны, Вика наблюдала за тем, как он поднимается, протягивает руки, касается ее плеч. Но не больно, а мягко, почти нежно.

– Виктория Сергеевна... Виктория Сергеевна!

Кто-то выдернул ее из тишины и черного тумана, который плыл перед глазами. Вика сфокусировала взгляд, пытаясь понять, кто ее так настойчиво зовет. Как будто она была в классе на уроке, и после тысячи ее объяснений у кого-то все равно остались вопросы. Черный туман стал плотнее.

– Виктория Сергеевна, вы меня слышите?

Ее щек коснулось что-то холодное и чуточку шершавое. Кожа стала болезненно чувствительной. Вика ощущала, как по скулам нежно скользят... пальцы. Кто-то касался ее лица. Чтобы снова причинить боль?! Она дернулась и распахнула глаза. На линзах отражались чертоты блики, мешая разглядеть того, кто мог причинить новую боль.

– Виктория Сергеевна!

Он вдруг поднялся и подхватил ее на руки. Вика взмыла в воздух, чувствуя, как на распухшие губы опускаются пушистые колкие снежинки. Только сейчас она начала осознавать, что происходит. Ох, Боже... С трудом ворочая языком, Вика просипела:

– Отпустите меня... Все хорошо...

Ее просьбу просто проигнорировали. Спаситель, кем бы он ни был, продолжал нести ее на руках, легко продвигаясь по скользкой дорожке. На стонущую окровавленную кучу он даже не обращал внимания. Пытаясь привлечь внимание великана, Вика ухватила за его плечо под тонкой курткой:

– Поставьте меня.

Он продолжал идти, еще крепче прижав Вику к себе. Она сжалась в комок и начала вырываться, что есть сил.

– Отпустите меня!

Слезы снова брызнули из глаз, опалая кожу. В голосе слышалась истерика. Молча, ее опустили на землю. Вика огляделась, пытаясь понять, куда бежать. Но ладони на плечах не отпускали.

– Виктория Сергеевна, все нормально – он вас не тронет.

Только сейчас она поняла: он знал, как ее зовут. Все время называл по имени. И даже отчество... Вика покачнулась:

– Откуда вы меня знаете?

Она задрала голову, пытаясь разглядеть его лицо, но оно оставалось в тени.

– Это же я – Паша...

– Какой еще Паша?

– Туманский. Помните?

Вика нахмурилась. Ей было страшно. Настолько, что все тело сотрясала крупная дрожь. А еще больно – она едва стояла на ногах. Нет, она не помнила никакого Пашу. Вика отступила от него, делая крошечные шаги назад, пока не уперлась в брошенный посреди дороги автомобиль.

– Я... Спасибо... Я пойду... – Против воли она бросила взгляд на того, кто пытался ее изнасиловать.

Он больше не стонал и не кричал. Только крови стало еще больше.

– Он уже не опасен.

Вика вздрогнула и посмотрела на своего нечаянного спасителя. Его лицо по-прежнему оставалось в тени. Сглотнув горечь во рту, она пробормотала:

– Он... умер?

Назвавшийся Пашей хмыкнул:

– Нет. Жив.

– Он... истекает кровью...

– Садитесь в машину, Виктория Сергеевна. Вам нужно в больницу.

Вика помотала головой, морщась от каждого совершенного движения. Все они причиняли невероятную боль.

– Я дойду... до дома... Здесь недалеко... Спасибо в-вам... – Вика с ужасом взглянула на потонувшую в темноте фигуру. Как ему удастся оставаться в тени, когда свет фар почти ослепляет?! – Нужно найти сумку...

Он вдруг шагнул ближе, снова кладя ладони ей на плечи, и наклоняясь. Только сейчас Вика смогла разглядеть его лицо. Красивый... Очень красивый. С резкими, хищными чертами. Четкие линии широких нахмуренных бровей, прямого носа, губ. Звериный взгляд. Темная, даже на вид колючая, щетина. Упавшая на глаза смоляная прядь. Вика судорожно вздохнула, а он еще больше нахмурился и как-то печально спросил:

– Вы меня не помните?

Вика снова помотала головой. Он наклонился еще ниже, и Вику окутало ароматом его одеколона: что-то очень мужественное и свежее. Резкий контраст с вонью лука и немытого тела.

– Павел Туманский. – Он тяжело вздохнул. – Одиннадцатый «А»...

Господи, что ему от нее надо?

– Я не п-помню... Отпустите меня, пожалуйста...

Он проигнорировал ее невнятный всхлип. Прикрыв глаза, как будто решался на что-то неприятное, процедил сквозь зубы:

– Я взорвал ваш кабинет на самостоятельной. Это же вы должны помнить!

Вика потрясенно открыла рот. Да, это она помнила. Ужаснейший день в ее жизни, ставший самым лучшим: ведь именно тогда они познакомились с Ромой.

– Вспомнили?

Вика удивленно кивнула:

– Паша?..

– Да. Я.

Он обхватил ее локоть, распахнул дверцу автомобиля и подтолкнул Вику в салон. Она почему-то совершенно забыла, как двигаться, превратившись в послушную марионетку. Павел застегнул на ней ремень безопасности, захлопнул дверь, но вместо того, чтобы тоже сесть в машину, исчез в темноте. Вика почувствовала, как тело сковывает холодом. Дверь с его стороны была распахнута, и внутрь вползали мороз и разыгравшийся ветер. А ее начало отпускать от шока. Неожиданно Павел вынырнул из темноты и плавно скользнул на соседнее сидение. В его руках была зажата ее сумка. Он положил ее назад и повернулся к Вике:

– Вам нужно в больницу.

Мысль о больнице обернулась очередной волной паники. Ей нельзя туда... У нее работа. И муж будет волноваться. И вряд ли там сделают что-то, чего не сможет сделать она.

– Нет! В больницу не надо. – Ее голос все еще дрожал, но звучал уже намного тверже и увереннее.

Павел выкрутил руль и окинул ее хмурым взглядом. Вика даже не заметила, что они едут.

– Надо. На вас места живого не осталось.

Вика ссутулилась, мечтая уменьшиться в размере настолько, чтобы ее лицо невозможно было разглядеть.

– Я лучше знаю, что мне нужно. Если можешь, то подвези до дома. Если – нет, то останови. Я сама дойду.

Он хрипло хмыкнул в ответ. От этого звука, такого тихого, почти интимного, по коже пробежали мурашки. Да что же с ней происходит?

– И снова, как будто в школе.

Вика резко вскинула голову и посмотрела на Павла. Тот буравил взглядом темноту, несясь по заснеженной дороге почти со смертельной скоростью. Проигнорировав его слова, она неуверенно спросила:

– А мы не слишком быстро едем?

Павел повернулся к ней, изогнул губы в кривой усмешке и сбавил скорость. Вика опустила голову и уставилась на его ладонь, лежащую на рычаге переключения. Смуглая кожа. Едва заметные черные волоски. Они выглядели совсем не противно, как у некоторых, а очень мужественно. Два простых широких кольца – на среднем и безымянном пальцах. Из-под манжета рубашки и рукава тонкой куртки выглядывал корпус часов. Почему-то на правом запястье. Ах да, кажется, он был левшой. Но не это заставляло Вику замороженно следить за его рукой, забыв об всем, что случилось несколько минут назад. Она не могла отвести взгляд от его татуировки. Прямо над сбитыми костяшками, по всей ширине протянулась надпись. Тонкие веточки плюща с острыми зелеными листьями обвивали массивные черные буквы, похожие на те, которыми были написаны древние готические книги. Вика не могла оторвать взгляд. Она все пыталась понять, что же он захотел написать, но никак не удавалось. Буквы расплывались перед глазами, превращаясь в чернильные пятна, в крылья птиц, в...

– Виктория Сергеевна!

Вика вздрогнула и очнулась.

– У вас может быть сотрясение. Я везу вас в больницу.

– Нет! Не надо, пожалуйста. – Она отвернулась от его въедливого внимательного взгляда. Как будто душу хотел из нее вынуть. – Не надо... Мне нужно домой.

– Ладно! – Его голос звучал зло и резко. – Где вы живете?

Вика тихонько ответила:

– На Арктической... Пятнадцать...

– Значит, «недалеко»?

Вика ничего не сказала, все еще не совсем осознавая происшедшее. Шок и адреналин покидали ее тело. На место им приходила боль. Адская, разрывающая боль. Не только физическая. Вика не могла сказать точно, что именно испытывала. Но вместе с телом болела душа. Душа болела даже больше. Вике хотелось свернуться калачиком в широкой уютной постели, где-нибудь на краю земли, в массивном двухэтажном доме. Чтобы за окном – рассвет, шум ветра и запах хвои пополам с сыростью мягкой земли. А она лежит под самым мягким одеялом в мире, в шотландскую клетку, и знает, что ничего плохого не случится.

Снаружи раздалась сигналы автомобилей, и Вика очнулась от глупых грез. Не было ни дома, ни рассвета, ни мягкого одеяла. Они оказались зажаты в длинной пробке, и Павел снова несколько раз грубо выругался. Вика не выдержала и повернулась к нему. Длинный ряд автомобилей пришел в движение. Не отрываясь от дороги, Павел ухмыльнулся:

– Не этому вы меня учили, да?

Он изменился. В ее памяти остался наглый растрепанный мальчишка, превративший ее первый год преподавания в ад. Сейчас же... Рядом сидел кто-то незнакомый. Да, с тем же именем, фамилией и чертами лица, но все-таки совершенно иной человек. Начиная от модной стрижки и заканчивая татуировкой. А еще было тонкое длинное лезвие ножа и дикая, почти животная жестокость. Вика не помнила, чтобы в школе Павел был агрессивным. Нет, он был обычным мальчишкой. Чуть более неуправляемым, чем остальные, но все же вполне обычным. Она даже не могла думать о нем, как о Паше. Паша был нагловатым задиристым одиннадцатиклассником. Тот, кто превратил насильника в окровавленное месиво, не мог быть «Пашей». Телефон в кармане снова завибрировал и радостно булькнул, возвещая о новом сообщении. Вика потянулась за ним, но вздрогнула от боли. Павел тут же повернулся к ней.

– Нужно в больницу.

Вика покачала головой, одновременно пытаясь достать телефон:

– Нет.

– Что за идиотское упрямство? – Его лицо было и хмурым, и злым. От этого Павел казался взрослым. Сколько ему уже лет? Впрочем, неважно.

Вика постаралась придать лицу строгое выражение. Но, кажется, у нее болели даже веки.

– Я хоть и твоя бывшая учительница, но разговаривать ТАК со мной не стоит.

В темноте салона его глаза сверкнули, как у животного. Вика только сейчас разглядела их цвет: зеленый. Глубокий, насыщенный. Как малахит.

Павел отвернулся, передернув плечами:

– Я уже не мальчишка, которого нужно отчитывать.

Конечно, мальчишка. Особенно, по сравнению с ней.

Вика постаралась свести все к шутке и улыбнуться. Но боль была настолько острой, что перехватывало дыхание.

– Сколько бы лет тебе ни было, для меня ты – мальчик.

Ну и уважение к старшим никто не отменял.

Павел бросил на нее взгляд, пробравший Вику до костей. В нем действительно было что-то звериное. Хищное. И смертельно опасное. Тихо он выдавил:

– Возраст здесь ни при чем. У вас могут быть серьезные травмы.

– Благодаря тебе я отделалась парой синяков.

Вика снова отвернулась к окну, давая понять, что спор окончен, и вытащила наконец телефон. Еще одно сообщение от Ромы. «Приеду после двенадцати. Возникли кое-какие проблемы. Не жди. Ужин не готовь – закажу доставку.» Сердце неприятно кольнуло. Болью и разочарованием. Внезапно Вика даже пожалела, что ее не избили до потери сознания – может хоть тогда бы Рома забыл про работу и приехал к ней? Ей ужасно не хотелось оставаться в одиночестве. Оно вызывало страх. Она пыталась напомнить себе, что Рома трудится ради них, что он копит деньги на новую квартиру. Но та жадная эгоистка, что жила в ней, плевать хотела на все.

Вика-эгоистка хотела, чтобы Рома позвонил, спросил, как у нее дела, чтобы примчался домой и задушил в заботе. Чтобы забыл ради нее о работе. Чтобы принадлежал только ей. Хоть это и невозможно. Жизнь давно научила: так не бывает, чтобы один человек принадлежал другому. Рома принадлежал работе и взглядам Викиных соперниц. Другие женщины всегда обращали на него внимание. На Вику же они смотрели с ненавистью, брезгливостью и непониманием. В их глазах отчетливо читалось: как он мог выбрать ее? Вика в чем-то их понимала. Она не была красавицей или обладательницей идеальной фигуры. Но ради Ромы была готова на все. Его любовь давала ей силы. А сейчас Вика ощущала лишь пустоту. Как будто их любовь медленно умирала... Может, забота о малыше позволит вернуть те чувства, которые были между ними еще совсем недавно? Слезы снова выступили на глазах. От кома в горле перехватило дыхание. Но плакать на глазах у Павла Вика не могла.

Почему в машине так ужасно жарко? Колючий шарф душил. Вика прижалась лбом к прохладному стеклу. В боковом зеркале отразилось ее лицо. Разбитые губы распухли. Запекшаяся кровь превратилась в черную корку. По всей щеке расплзался багровый кровоподтек. Волосы растрепаны и висят унылыми сосульками. Наверное, она потеряла шапку, когда пыталась освободиться. Воздух застревал в горле. Вика начала задыхаться. Низкий хриплый голос вырвал ее из удушающей волны паники и истерики:

– Виктория Сергеевна, вы как? Мы почти приехали.

Вика вздрогнула и отвернулась от окна.

Павел пронзал ее внимательным сосредоточенным взглядом. Вика ощущала себя беззащитным насекомым на ладони пытливого мальчишки. Захочет узнать ее реакцию на боль – оторвет крылышки и лапки. Захочет узнать, сможет ли она лететь – швырнет на землю. А увидит другое насекомое – растопчет ее и побежит дальше. Автомобиль нырнул в узкий переулок между домами. Павел сбавил скорость. Они медленно пробирались по заснеженной улице. Двухэтажные и трехэтажные дома прошлого века, унылые деревянные заборы, деревья, больше похожие на гигантские кусты. Казалось, что они покинули пределы города и едут по деревенским ухабам. Впрочем, это была окраина – неудивительно, что все здесь выглядело старым, забытым и разрушающимся.

– Куда ехать? – Павел вел осторожно, но автомобиль все равно подпрыгивал на снежных пригорках.

Нормальной асфальтированной дороги здесь не было никогда – только колдобины и выбоины, на которых можно было переломать ноги. Вика снова отвернулась к окну, боясь увидеть в его глазах... что? Презрение? Жалость?

– Прямо по дороге. Дом в самом конце улицы.

– Здесь нет никакой дороги. – В голосе Павла слышалось раздражение. – Как вы тут вообще ходите?

Неожиданно Вика почувствовала злость. Он не имеет права ее осуждать и говорить с таким пренебрежением.

– Нормально хожу. Как все.

– Ясно...

Вика не удержалась и снова посмотрела на него. Хищный профиль Павла выделялся на фоне мерцающих снежинок, летящих в окно и бликов на стеклах. Черты его лица стали жестче, острее, чем она помнила. Конечно, человек меняется со временем. Но она не думала, что возможны настолько резкие перемены. В нем не было даже намек на мальчишеский задор. Скорее – с трудом сдерживаемое напряжение тугой пружины. Вдруг Павел повернулся к ней. Вика почувствовала, как кровь приливает к щекам. Он застал ее за беззастенчивым разглядыванием его лица. Но Павел лишь кивнул головой на что-то за ее плечом:

– Здесь?

Вика обернулась. Выкрашенный некогда розовой краской дом на тридцать шесть квартир, три этажа, выход на крышу в виде крошечного домика, окна, все еще в деревянных рамах. Из нового была только бело-голубая табличка с адресом. Да, она жила здесь.

– Да. Спасибо.

Вика потянулась к ручке, но Павел ее опередил. Он так быстро вышел из машины, что Вика даже не заметила. Открыв дверь, он подал ей руку. После секундного замешательства, Вика вложила в протянутую ладонь дрожащие пальцы. Его кожа оказалась горячей и чуточку шершавой на ощупь. Мозоли? Ее ладонь утонула в его. Он крепко сжал ее пальцы, коснувшись подушечками запястья. От этого движения, которое почему-то показалось Вике слишком интимным и властным, неправильным, по венам пробежал огненный вихрь. Хотелось выдернуть руку и одновременно касаться его так, как можно дольше. Вика не понимала, откуда эти ужасные мысли. Они казались ей грязными и порочными. Она пыталась скорее прогнать их из головы. Наверное, это последствие удара...

Павел помог ей выбраться, забрал с заднего сидения сумку и повернулся к Вике. Автомобиль мигнул фарами.

– Идемте.

Вика удивленно моргнула. Приходилось задирать голову, чтобы смотреть ему прямо в глаза. Господи, какой же он высокий. Не совсем соображая, что происходит, она невнятно спросила:

– Куда?

– Домой. Вы же здесь живете?

Он что, собрался провожать ее до квартиры?

– Здесь, но... – Ее снова накрыло волной паники и тошноты. – Я сама дойду. Спасибо... За... все. Что помог там... и... и привез... Спасибо, Паш... Я очень тебе благодарна, но... дальше я сама...

Лицо Павла снова оказалось в тени. Вика видела лишь темную щетину и его губы. Красивые, четко очерченные. У него был идеальный рот. И сейчас он кривился в злой улыбке.

– Все мои старания окажутся напрасны, если вы свалитесь по дороге и пробьете голову о ступеньки.

Вика хотела ответить, что... Что-нибудь. Но он обнял ее за талию одной рукой, другой обхватил ее холодную ладонь и повел к старому забору. По-хозяйки, будто бывал здесь каждый день, вынул из петли крючок и отворил калитку. Вике казалось, что скрип разнесся по всей улице. Ей почему-то ужасно не хотелось, чтобы соседи видели, что ее привез домой не муж. И не потому что могли пойти сплетни: молодой красивый мальчик на дорогой машине поздно вечером ведет ее домой... Ей было наплевать даже на собственный вид – а ведь разговоров, наверняка, будет на недели. Нет, все это не имело значения. Вика хотела сохранить встречу с Павлом в тайне. В секрете ото всех. Он был частичкой ее прошлого. Того, в котором жизнь казалась прекрасной, и все проблемы были по плечу. Прошлого, где ее только ждала встреча с Ромой, свадьба и месяцы пьяного счастья.

Вика очнулась от воспоминаний, когда они уже вошли в подъезд, освещенный одинокими лампочками. Боковым зрением она следила за Павлом – он казался здесь настолько чужим, инородным, словно пришедшим из другого мира. Молча, они поднялись на третий этаж.

– Где ключи? – Паша остановился посреди лестничной площадки, осматривая четыре абсолютно одинаковых двери.

– В сумке.

Не спрашивая разрешения, он открыл сумку и начал в ней копать. Вика даже не подумала его остановить.

– Где они? – Паша ковырялся в ее вещах, создавая жуткий беспорядок. – Скотч? Зачем вам скотч? И линейка?

Вика пожала плечами:

– Я же учитель.

– Ну только если собрались заклеить рот какому-нибудь своему ученику. – В его голосе прозвучали странные нотки. А взгляд, которым он ее обвел с головы до ног, окатил Вику жаром.

И она вспомнила, как обещала заклеить ему и его дружку, Леше Савельеву, рот за излишнюю болтливость на уроке. Странно, что спустя столько лет он помнил.

– Не думала, что ты воспринял это так близко к сердцу.

Паша ухмыльнулся:

– Я просто вспомнил. – Одновременно он вытащил связку ключей. – Какая квартира?

Вика кивнула на дверь слева. Павел уверенно открыл замки. Вике оставалось только войти в темный узкий коридор. Из квартиры веяло теплом и уютом. Щелкнув выключателем, она развернулась и перегородила проход. Павел криво ухмыльнулся:

– Не пригласите?

Вика сжала губы. Она уже едва стояла на ногах.

– Нет, не приглашу. Я очень тебе благодарна за... за... – Она взглянула на его сбитые костяшки. – За помощь. Не знаю, что было бы, если бы не ты. Но...

– Я все понял. – Он зло сверкнул глазами и, наверное, только сейчас Вика поняла, насколько сильно он изменился.

У него была необычная внешность – восточные черты лица, смуглая кожа, волосы настолько черные, что приобретали синеватый отлив. И ни одной мягкой черты. Только странная злоба и напряжение. Первобытная дикость. Ярость. Вика не понимала, чем успела его так разозлить. Не отказом же впустить в квартиру? Он ведь должен понимать, что ей сейчас не до приема гостей, пусть он и спас ее от... изнасилования. Мысль о том, что если бы не Павел, она сейчас, возможно, так и лежала бы в тех сугробах, заставила Вику похолодеть.

– Просто я очень устала... У меня сил нет...

Паша шагнул к ней навстречу. Свет отражался в его зеленых глазах, и они казались до боли яркими.

– Я могу помочь.

– Не нужно, спасибо. Скоро приедет муж, он сделает все необходимое.

Она видела, как сжались его челюсти и проступили желваки. Он молча поставил ее сумку на тумбочку в прихожей и, не сказав ни слова, развернулся. Полы легкой почему-то расстегнутой куртки взвились сзади, словно вороны крылья. Он сбежал по ступенькам вниз, исчезнув во тьме лестничных пролетов. Вика ощутила странный толчок в груди. В нее словно кто-то вселился, заставляя забыть о распахнутой двери и метнуться на кухню. Другая женщина руководила ее движениями и управляла телом. Дрожащими пальцами Вика отодвинула занавеску и выглянула в окно. Она успела как раз вовремя. Павел выскочил из подъезда и быстро подошел к машине. Света из редких горящих окон едва хватало, чтобы рассмотреть его слившуюся с темной фигурой. Словно почувствовав ее взгляд, он задумчиво поднял голову и посмотрел на дом. Вика отодвинулась, прячась за занавеской. Сердце бешено стучало, в ушах шумела кровь. Закусив губу, она наблюдала за тем, как Павел рассматривает окна. Секунды тянулись мучительно долго. Вике казалось, что кто-то выкачивает из нее кровь, чтобы с каждой каплей отмерять время, пока Павел стоит внизу. Почему он не уезжает? Чего ждет? Что она выглянет? Но зачем? Это же глупо. Наконец, мигнули фары, Павел открыл дверь и скрылся внутри длинного хищного, как и он сам автомобиля. Закусив губу, Вика следила, как автомобиль сдает назад. Мигнули стоп-сигналы, превращая снег в кровавое месиво. Вика вспомнила, с каким хладнокровием Павел очищал ладони. Она не разбиралась в подобных вещах, но что-то подсказывало: ему не впервой проливать кровь. Впрочем, ее это не касается. Достаточно того, что он спас ее – она в долгу перед ним до конца жизни. Но та, другая женщина, поселившаяся в ее теле и толк-

нувшая проследить за ним из окна, сходила с ума от любопытства. Другой до безумия важно было знать, как сложилась его жизнь за те десять с лишним лет, что они не виделись. Наверное, насильник слишком сильно приложил ее головой, раз ее одолевают настолько странные мысли. Ей нет никакого дела до жизни Павла. В своей бы разобраться. У него наверняка все складывается прекрасно. А вот у Вики – полнейшая неразбериха наполовину с болью. Она занавесила окно, вернулась в прихожую и заперла распахнутую дверь. Теперь она под защитой тесной, но такой уютной квартирki. Их с Ромой маленькая крепость. Поскорей бы он вернулся. Вика поняла, что еще немного, и вновь расплачется. Ей было больно, страшно и до отвращения противно – почему все это происходит именно с ней? Вика стянула грязное пальто и испорченные ботинки и зашла в крошечную ванную. В зеркале отражалась незнакомка из фильма ужасов. Господи... Фиолетовые кровоподтеки, ссадины, успевшие покрыться коркой, заплывший глаз и распухшие губы. Вика разглядывала лицо чужой женщины, чувствуя, как в теле постепенно распускается цветок боли. Внутри словно раскрывались лепестки тугого бутона. Но вместо прекрасного аромата он распространял вокруг себя запах крови, холода и ночной улицы. Шипы впивались в мышцы и кожу, кололи иглами. Вика сняла одежду и швырнула в корзину для белья, сопротивляясь желанию сжечь любое напоминание о происшедшем. На плечах и руках уже проступили синяки. Можно было даже разглядеть отпечаток ладони. Пошатываясь, Вика забралась в ванну и включила душ. Водяные струи безжалостно ударили по сгусткам крови под кожей, и Вика застонала. Тело прошибли мучительные судороги. Только сейчас она начала осознавать, что с ней могло случиться. Как будто высшие силы смеялись над ней. Издевались, ставя эксперимент: сколько она еще сможет выдержать. Весть о невозможности иметь ребенка. Изнасилование в подворотне. Словно кто-то имел своей целью добить ее. Уничтожить. И почти добился своего. Смешиваясь с водой, по щекам потекли слезы. Почему-то они были ужасно горячими, обжигая и без того измученную кожу. Без сил Вика неуклюже опустилась на колени, свернувшись, как раковина древнего моллюска. Она пыталась, но не смогла подавить громкие рыдания, разрывающие горло. Корка на губах лопнула, и на белую эмаль упало несколько алых капель. Вика с остервенением принялась тереть лицо, размазывая выступающую сукровицу. Кожа онемела от боли и тупых горячих ударов душа. Вика пыталась оттереть с рук синяки, но добилась лишь того, что вокруг них растеклись уродливые алые пятна. Никаким мылом не смыть ту мерзость, которой она теперь оказалась покрыта.

Вика не знала, сколько так просидела. Вода равнодушно шумела, слезы давно иссякли, превратившись в беззвучные спазмы. Цветок боли полностью расцвел и завладел каждым сантиметром ее тела. Выключив душ, Вика с трудом выбралась из ванны и закуталась в пушистое полотенце. Когда она доковыляла до спальни, то вдруг поняла, насколько кругом тихо. Оглушительно тихо и страшно. Вика отбросила полотенце и надела старенькую ночнушку. Когда-то она купила ее, чтобы сделать сюрприз Роме. Молочно-белый шелк с матовым узором из веточек, кружево по подолу, едва прикрывающему бедра. Вместо бретелек – тонкие ленты. Вика представляла, как Рома, пораженный ее видом, будет медленно развязывать эти ленточки, как сорочка скользнет к талии, задержится на бедрах, а потом упадет на пол. Но Рома ее покупку не оценил. Вика до сих пор помнила ту их годовщину. Он пришел домой, едва взглянул на нее, быстро расправился с праздничным ужином, уставившись в телевизор и... ушел спать, заявив, что слишком устал, а отметить можно и в другой раз. Может, их отношения уже тогда начали покрываться отвратительной гнилью? Но она упорно продолжала надевать уже давно застиранную сорочку. Как будто цеплялась за глупую надежду, что однажды Рома заметит хоть что-нибудь.

Тишина сводила с ума. Вика забралась под одеяло, впервые жалея, что у них с Ромой не отдельные кровати. Ей нужны были покой и одиночество. Почему-то она боялась того момента, когда он зайдет в спальню, разделется и ляжет рядом. Матрас под ним просядет, кровать скрипнет. Вика почти ощутила ту боль, которую почувствует из-за этих движений. Она

бездумно уставилась в потолок. В сумке остались лежать справки с бесконечными анализами, но ей уже не хватало сил достать их. Да и зачем? Чтобы в очередной раз увидеть то, о чем она знала много лет? Нужно отвлечься. Подумать о скучных привычных вещах. Например, о том, что завтра суббота, и ей дико повезло – ведь завтра она выходная в отличие от некоторых коллег. А значит, у нее есть целых два дня, чтобы собрать себя по частям, поставить заплатки и снова окунуться в привычную жизнь. Вика заставила себя закрыть глаза. Она даже зажмурилась. Боль пульсировала мелкими вспышками, будто кто-то пускал сквозь ее тело ток. Почему она не могла уснуть? Просто провалиться в темноту и ничего не видеть. Но в памяти тут же всплыл темный проулок, высокие сугробы и жуткая луковая вонь. Нельзя об этом думать. Надо было принять болеутоляющее. Но встать, ковылять на кухню и искать таблетки нет сил. Беззубый насильник громко рассмеялся в ухо. Вика подскочила на кровати, испуганно оглядываясь. Сердце бешено стучало в груди, на коже выступила испарина. Дыхание с хрипом вырывалось из горла. Она одна. В тишине и тепле квартиры. Сюда никто не проберется. Он остался валяться грязной кучей у забора и больше для нее не опасен. Теперь с ней ничего не случится. Ничего. Вика повторяла про себя эти слова, свернувшись, как зародыш в утробе матери. Через пару минут она задремала.

Разбудил ее страшный грохот и невнятная ругань. Вика с трудом разлепила веки. Из кухни в крохотную спальню лился свет, который нещадно слепил глаза. В теле чувствовалась такая тяжесть, будто она была тем самым волком, которому вспороли живот и натолкали туда камней. Чтобы никогда не всплыл. Во рту пересохло. Лицо распухло еще больше. В районе ребер пульсировала тупая боль. На кухне снова что-то загрохотало и кажется разбилось. Господи! Ей просто нужна тишина. Тишина... Разве это так сложно?! Перекрывая поток света в спальню вошел Рома. Он продолжал ругаться и вдобавок шаркал ногами. И, наверное, чтобы добить ее окончательно, плюхнулся на кровать так, что старый матрас просел под его весом и Вика сползла на другую половину. Боль прошибла нутро, и Вика не смогла сдержать стон. Рома вздрогнул, снова сотрясая матрас и обернулся.

– Вик? Я тебя разбудил?

А кого он еще ожидал тут увидеть? Ей стоило огромных усилий открыть рот, облизнуть губы и выдавить:

– Нет...

– Почему тогда не встречаешь?

Вика попыталась переползти на свою сторону кровати, но боль накинута на нее с новой силой. Сдержать очередной стон не получилось.

– Только давай без этого. Мне сейчас не до секса. Это у тебя завтра выходной. А мне тащиться на работу.

Вика хрипло рассмеялась. Лицо жгло, как огнем. Но она не могла сдержаться.

– У нас уже несколько месяцев нет секса. С чего ты решил, что я захочу его сейчас?

Рома неторопливо переодевался. Света из кухни хватало на то, чтобы разглядеть, как он расстегивает рубашку и снимает брюки.

– Ну, ты стонешь...

Вика не знала, что и сказать на это. Она хотела лишь одного: снова уснуть.

– Ты приготовила мне одежду на завтра? И завтрак. Что-то я в холодильнике ничего не увидел.

Пусть он замолчит, Господи, пожалуйста. Ей нужна тишина.

– Нет. Я. Ничего. Не приготовила.

– Вик, ну ты чего? Ты завтра будешь в постели валяться, а мне – пахать!

Вика неловко потянула одеяло на голову. Рома неожиданно включил ночник на тумбочке:

– Твою мать, Вика! Что с лицом?

Она зажмурилась то ли от света, то ли от его внимательного взгляда.

– Меня избили...
– Кто?!
– Вор...
– Какой еще вор?
– Меня пытались... ограбить... – Она не знала, почему врет про ограбление. Просто не могла себя заставить сказать правду.
– Нужно было ему все отдать! – Рома почему-то разозлился.
– У меня ничего не было...
– Ты обратилась в полицию?
– В таком состоянии? Ром, мне плохо, правда...
– Как он тебя еще не убил! Так он что-нибудь взял?
– Н-нет... Его... его спугнули... Машина мимо проехала...
– Ну, отлично! Спасибо твоему спасителю. Неизвестно чем все это закончилось бы.
Ладно спи.

Вот и все. Никаких волнений и переживаний из-за ее травм. Вике даже стало смешно. Она вспомнила, с какой настойчивостью Павел предлагал отвезти ее в больницу. Почему она не призналась о том, кто именно ее спас? Она не знала ответа на этот вопрос. У нее никогда не было секретов от Ромы. Но сейчас... Сейчас почему-то хотелось сохранить в тайне все, что случилось в проулке. Сохранить в тайне хотелось именно Павла. А ведь благодаря именно его выходке она познакомилась с Ромой. Если бы он тогда не устроил погром в ее кабинете, если бы не ужасный инцидент с его отцом, она бы не оказалась в парке, не села бы на скамейку, и Рома, самый лучший в мире мужчина, ни за что бы не заметил ее. Вика всхлипнула и поспешила зажать рот рукой. Кажется, у нее начинается запоздалая истерика. Перед глазами почему-то возник не темный проулок, а ее первый кабинет. Вика даже не могла вспомнить фамилию того, второго, дружка Павла. Но тот день, оказывается, легко всплыл в памяти. Жуткий день и встреча, изменившая всю ее жизнь.

Рома повернулся спиной, почти мгновенно уснув, а Вика потеряла даже надежду на сон. Она неподвижно лежала на своей половине, пялясь в потолок. За окном проехала машина, и по стенам мазнули отсветы фар. Боль опять начала тупо пульсировать. Как будто кто-то бил по голове и одновременно натирал наждачкой лицо. У соседей снизу залаяла собака. Стекла зазвенели от порыва ветра. Вику начала бить дрожь. Сначала мелкая, неприятная, будто по телу бегали сотни насекомых. Потом застучали зубы, выступила испарина. По лбу лениво поползла капля пота. Вика содрогнулась от неприятного ощущения. Она повернулась к окну, снова сжалась, как крошечный эмбрион, и обняла себя руками. Проехал еще один автомобиль. Вика жадно следила за полосами света. Ей хотелось оказаться там, снаружи, в уезжающей прочь машине. Она остро чувствовала собственное одиночество. Не к кому обратиться. Некого просить о помощи. Некому даже рассказать о том, что с ней случилось. Глаза защипало от слез. Неужели идеальных семей не бывает, и даже самая сильная любовь заканчивается? Они с Ромой всегда были так счастливы, заботились друг о друге. Даже когда ругались или ссорились, Вика всегда шла мириться первой, чтобы они не тратили драгоценное время, сядясь друг на друга. По субботам она всегда готовила вкусный ужин, зажигала свечи и надевала красивое белье. Правда, их романтические вечера давно превратились просто в гору грязной посуды и «экономии электричества», как Рома называл ее желание зажигать свечи.

Куда делось все, что раньше их связывало? Только семья поддерживала ее, когда было сложно. А сложно было почти всегда. Вика не помнила, когда последний раз позволяла себе расслабиться и просто отдохнуть. Слезы все-таки вырвались наружу, потекли по разбитому лицу, оставляя влажные горячие дорожки. Наверное, она какой-то магнит для неприятностей. Все, что может случиться плохого, случается именно с ней. Но самое страшное то, что Рома, похоже, больше не любит ее. Он стал холоден и равнодушен. А ей хотелось его заботы, ласки,

любви. Хотелось, чтобы он повернулся и прижал ее к себе поближе, обнимал и шептал на ухо, что все неприятности закончились. Может, она эгоистка и слишком многого просит? Да! Да, эгоистка! Ей нужно внимание мужа, нужно чувствовать себя защищенной и любимой. Неужели так сложно ей это дать? Или дело в том, что она делает что-то не так? Конечно! Скорее всего, именно в этом. Она где-то ошиблась. Нужно только понять где. Завтра она обязательно поговорит с ним. Открыто спросит, что ему в ней не нравится, в чем она ошибается. И постарается исправиться. От этого решения стало немного легче. Кажется, снова пошел снег. Вика видела лишь смутное мельтешение теней. Вспомнился яркий слепящий свет фар. Длинный мощный автомобиль, уютное тепло салона и невероятно приятный аромат туалетной воды. Это воспоминание успокоило. Ощущение защиты, которое она испытала, погрузившись в кожаное нутро, вернулось. Оно осело приятной тяжестью в конечностях и уменьшило боль. Вспоминая мягкое свечение приборной панели, Вика уснула.

Ее разбудил Рома. Он шумно собирался на работу, чем-то стучал, топал и ругался. Вика хотела встать и помочь ему, но поняла, что не может даже рукой пошевелить. У нее не было сил. Оставалось только снова закрыть глаза и претвориться спящей. Она ужасная жена. Нужно было заставить себя подняться, раз уж вчера не приготовила Роме одежду и завтрак. Но Вика продолжала молча лежать, затаив дыхание. Она просто лежала и ждала, когда он уйдет. Она станет примерной женой чуть позже. Когда боль уймется, а пока ей нужны тишина, покой и простор одинокой постели. Входная дверь наконец хлопнула. Вика выждала еще несколько минут, досчитала до ста, и когда стало ясно, что Рома не, вернется, откинула одеяло. Она лишь надеялась, что он ничего не забыл и не ворвется в квартиру, заставив ее искать галстук, носки или бог весть что еще. Но в квартире было тихо. Только оконные рамы поскрипывали под напором ветра. Заставляя свое тело работать, Вика с трудом перевернулась на живот и прижалась щекой к подушке. Ее тут же прострелила боль. Ребра, скулы, шея, затылок – больно было везде. Но вместе с тем – спокойно. Вика расслабилась, закрыла глаза, натянула на ноги одеяло и снова уснула...

Звонок в дверь напугал до дрожи. Мерзкая раздражающая трель выдернула ее из сна, заставляя сердце стучать чаще. Сбиваясь с дыхания, Вика пыталась сбросить с себя пелену сна. Во рту пересохло, губы обветрились и болели теперь не только от полученных вчера ударов, но и от мелких трещинок. А проклятый звонок все никак не унимался. Он звонил, звонил и звонил. В голове начала пульсировать настойчивая боль. На какое-то мгновение все смолкло. Но через несколько секунд раздался стук в дверь, сотрясший весь дом. Господи! Ну кого могло принести?! У нее не было ни друзей, ни знакомых, которые могли вот так запросто прийти в гости. Вся жизнь сосредоточена на Роме. Может, это он? Забыл ключи? Как он мог их забыть, если запер дверь?! О-о-ох... Стук стал еще громче и настойчивее. Если она не откроет, то неведомый гость точно сломает дверь. Вика попыталась встать. От боли перехватило дыхание. С трудом, но ей удалось выбраться из кровати. Держась за стены и все, что попадалось под руку, Вика проковыляла к двери. Та буквально сотрясалась под ударами кулаков. Похоже, кто-то решил попасть внутрь любой ценой. Нашупав очки, Вика водрузила их на нос и начала искать ключи. Они лежали под самым носом, возле сумки, но она, слепая курица, конечно их заметила не сразу. Дрожащими пальцами сжимая холодной металл, Вика принялась тыкать ключом в замочную скважину. С третьей попытки ей удалось вставить сначала один ключ, затем – другой. Наверное, сначала стоило посмотреть в глазок. Но видимо после вчерашнего она совсем перестала соображать. От мысли о том, что снаружи может оказаться насильник, ее замутило. Он ведь не мог узнать, где она живет?! Не после того, что с ним стало. А вдруг?.. Вика поняла, что совершает огромную ошибку, открывая. Но с той стороны кто-то настойчиво дернул ручку и, устав дожидаться, распахнул дверь. Несколько секунд Вика была уверена, что у нее галлюцинации. Или она продолжает спать, а это странный сон. На пороге стоял Павел.

Его волосы были аккуратно уложены, а в смоляных прядях блестели капельки талого снега. Снова куртка нараспашку, как будто ему совсем не было холодно. Брови напряженно сведены, щетина стала еще темнее и длиннее, делая его лицо смуглым и серьезным. В старом обшарпанном подъезде он казался чем-то экзотическим, не из этого мира и Вселенной. Вика была так удивлена снова видеть его, что не сразу заметила еще одного мужчину. Он осматривал ее внимательным взглядом за стеклами очков. Упитанный, с аккуратной седой бородкой и усами. Вылитый профессор... чего-нибудь. Вика так и стояла в дверном проеме, пока Павел не поднял с пола два огромных белых пакета и не шагнул ей навстречу. Ее обдало ароматом его туалетной воды, и Вика не смогла сдержаться – сделала глубокий вдох потрясающего свежего запаха. Как глоток свежего воздуха после пыли и затхлости.

– Я уже собрался дверь ломать. – Павел бесцеремонно шагнул в прихожую.

Профессор молча последовал за ним. Вика все никак не могла собраться с мыслями и сказать хоть что-нибудь. Она так и стояла, пока не почувствовала дуновение холодного воздуха из подъезда. Кожа покрылась мурашками. Она же практически голая! В тонкой сорочке, с жуткими синяками, а на голове, наверное, стог сена или воронье гнездо. Впрочем, какая разница. Единственный мужчина, которому она хотела нравиться, стал холоден и бесконечно далек. Вика в упор взглянула на Павла.

– Зачем ты пришел? – Голос охрип и сипел, но не утратил привычной учительской строгости.

Паша как ни в чем не бывало расшнуровал высокие ботинки, которые даже на вид казались безумно дорогими, и небрежно стащил их.

– Совесть замучила. Это Семен Владимирович. Врач.

Паша вновь подхватил пакеты и отправился на кухню так, словно бывал здесь сотню раз. Семен Владимирович тоже разулся и снял объемный пуховик. Он спокойно посмотрел на Вику:

– Где я могу вымыть руки?

Вика указала жестом на ванную и, когда доктор скрылся за дверью, повернулась к Павлу.

– Ты что устраиваешь?

Он вздернул брови, снял куртку и небрежно швырнул на тумбочку.

– Что не так? Вы не захотели ехать к врачу. Я привез его сюда.

Вика шагнула к нему ближе и ткнула пальцем в широкую грудь:

– Я благодарна тебе за помощь. Очень. Не знаю, что было бы, не окажись ты поблизости.

Но больше мне помощь не нужна.

– Ну да... Я вижу. – Он сжал ее пальцы, а другой рукой осторожно убрал прядь, упавшую ей на глаза.

Вика отшатнулась и выдернула пальцы. Кожу странно покалывало в тех местах, где он ее касался. Павел снова нахмурился. Между широкими бровями залегли глубокие морщины. Сейчас он казался намного старше. И опаснее.

– Давайте я вас осмотрю, а потом уже решим, что делать. – Семен Владимирович вышел из ванной и теперь деловито копался модном портфеле. – Где мы можем расположиться?

Вика открыла рот, чтобы возразить: не нужны ей никакие осмотры, пусть оставят ее в покое! Но Павел жестко обхватил ее локоть и едва ли ни силком потащил в спальню. Заплетаясь ногами Вика прошлепала за ним. Как только Павел захлопнул дверь, она тут же попыталась выдернуть локоть из его хватки, а другой рукой толкнула в грудь.

– Что ты себе позволяешь?!

Паша навис над ней, прожигая кожу колючим зеленым взглядом. Вике казалось, что еще немного, и ее кости расплавятся. Сквозь зубы он гневно процедил:

– Хватит вести себя, как упрямая идиотка.

Вика не сразу нашлась, что ответить. Какого черта он распоряжается ею?! Вика еще раз толкнула Павла в грудь. На этот раз сильнее. Помимо воли она почувствовала твердость его

мышц под мягкой тканью водолазки. Наверное, последствия удара на ней все же сказываются. О чем она думает?! И почему так хочется прикоснуться снова? Внутри разлилось странное чувство тепла. Вика заставила себя вспомнить, что происходит. Собрала последние силы, она постаралась представить, что общается с обнаглевшим учеником. Впрочем, так оно и было.

– Не смей со мной так разговаривать!

А что если Рома вернется раньше и застанет здесь посторонних? И что еще хуже – Павел ведь может проболтаться о том, что вчера произошло. Его нужно срочно выставить.

– Уходи немедленно.

Павел окинул ее взглядом, в котором причудливо смешались злость и насмешка.

– Что-то вы вчера не были такой смелой, Виктория Сергеевна.

Вика покачнулась. Перед глазами мелькнула темнота, в ушах зашумело. Пальцы ухватились за что-то мягкое и потянули. С удивлением Вика поняла, что сжимает в кулаке ткань Пашиной водолазки. Он грубо выругался и подхватил ее на руки. Вика хотела что-нибудь сказать, но язык заплетался и не слушался. А в Пашиных руках было так спокойно и уютно. Она чувствовала себя защищенной, окруженной со всех сторон каменной стеной. Он был твердым и горячим и так чудесно пах. Но она не должна вдыхать его аромат, потому что... Вика старалась вспомнить почему, но в голове было совершенно пусто. Мир вокруг казался смазанным и мутным, как улица за мокрым от дождя окном. Она же слишком устала. Устала готовить завтраки, обеды и ужины, гладить рубашки и брюки, пытаться сшить трещащую по швам семью. Хочется просто закрыть глаза и спать. Валяться в постели, пока не надоест. Ее желание исполнилось: Вика поняла, что лежит в кровати, когда старый матрас под ней просел, а чьи-то руки укрыли одеялом. Потом, как будто сквозь толщу воды, она услышала тихие встревоженные голоса. Чьи-то пальцы коснулись лица, надавили. Было больно и неприятно. Вика попыталась оттолкнуть чужие руки, но смогла лишь слабо дернуться. Снова послышались голоса. Ей казалось, что она бредет в тумане: вокруг только белая густая пелена, раздаются какие-то звуки, но их источник обнаружить невозможно. Может, это Рома? Он вернулся, увидел, как ей плохо и решил остаться? Конечно, это он, кто же еще?! Вика с трудом приоткрыла губы и тихо прошептала:

– Рома?..

Муж не ответил. Яркий свет ослепил глаза, и мелькнуло чье-то незнакомое лицо. Вика дернулась. Господи, неужели она снова оказалась в том переулке?! Фары, мужские пальцы. Она пыталась вырваться из цепкой хватки, но что-то мешало. Ноги запутались. Запахло лекарствами. Она в больнице? Врач снова скажет, что она не сможет иметь детей? Как пережить эти ужасные моменты заново? Вдвойне хуже от того, что Вика знает, чем они закончатся. Она выйдет от врача в очередной раз убитая ненавистными словами, дойдет до остановки, сядет в автобус, а после выбежит из него, заклеванная безжалостной толпой. В мрачной темной подворотне она поскользнется, и воняющий луком мужик схватит ее за локоть. Появится ли кто-то, чтобы остановить его? В тот раз ведь ему кто-то помешал. Но кто? Вика пыталась, но никак не могла вспомнить. Может, Рома все же придет? Он всегда приходил тогда, когда был больше всего нужен. Сейчас он ей необходим. Где же он? Запах лекарств усилился, забиваясь в ноздри, пропитывая кожу и волосы, одежду. Вика не хотела в больницу. Еще раз она не выдержит. Она попыталась позвать Рому, но собственный голос казался жутким скрипом старых петель. Белый туман вокруг клубился, расплзался во все стороны. И Вика поняла, что тонет в нем.

Российская Империя. Времена правления Екатерины Великой

– С вами все хорошо, дорогая? – Зловонное дыхание мужа обдало щеку, и Меланья вздрогнула.

– Да, благодарю. Зябко. – Она говорила тихим спокойным голосом, изо всех сил стараясь скрыть, как отвратителен ей был вонючий боров, стоящий рядом.

– Я предупреждал вас, дорогая. Следовало одеться теплее – погода нынче переменчивая. Кто ж знал, что сегодня она преподнесет такой неприятный сюрприз?!

Меланья ничего не ответила. Ее уже начинало тошнить от вечного духа серы, исходящего от муженька. И этот его назидательный тон. Будто она была безмозглой душой, и он уже устал пытаться вложить в ее голову хоть каплю ума. Неужели, у него совсем нет чувств? Он не нашел ничего лучшего на похоронах собственного сына, чем разговаривать о погоде и учить Меланью уму-разуму.

Казалось, еще немного, и она сорвется. Сотворит что-нибудь, что навсегда перечеркнет ее жизнь. Почти каждый день Меланья думала о том, чтобы лишиться себя жизни. Сначала подобные мысли ужасали. Она ведь не единственная, кому выпал жребий несчастливому замужеству. Терпели другие – потерпит и она. Не доставит жирному борову радости!

Но со временем мысли о смерти перестали пугать. Меланья с ужасом осознала, что все-раз планирует самоубийство. Она так устала...

Сегодняшняя ночь была одной из самых длинных. Пока муж, хрюкая и кряхтя, безуспешно пытался исполнить свой супружеский долг, Меланья предавалась греховным мыслям. В очередной раз она продумывала убийство. Но теперь не только свое. Долгие надсадные скрипы кровати были подобны пытке. Каждый раз, когда муж, сопя, тыкался между ее ног, кровать издавала жуткий мучительный стон. Меланья, закусив почти до крови губу, старалась сдерживать крики боли. Но выносить еще и этот звук, который словно тупой нож резал жилы, становилось невозможным. Уставившись невидимым взглядом в лепной потолок, Меланья представляла смерть. Сначала она разделается с мужем. Чтобы после ее смерти он не смог искорректировать жизнь другой женщины. А потом уже наложит руки на себя – это единственный способ избежать пыток и суда за убийство мужа, приближенного самой императрицы.

Он сжимал мясистые пальцы на ее шее, лишая способности дышать, и проникал коротким отвратительным отростком в ее тело. Меланья же, широко распахнув глаза, воображала свои руки. Они покроются густой вишнево-черной кровью ее супруга. Она будет убивать его долго. Чтобы мучился и страдал, как мучается и страдает она. Он ответит кровью за каждый день их безобразного отвратительного брака, за то, что ей приходится терпеть, на что она обязана смотреть, не имея возможности ничего сделать...

Гроб гулко ударился о мерзлую землю. Меланья вздрогнула и пришла в себя. Ее переполняло отвращение к самой себе. Боже, когда она успела стать такой жестокой и... жалкой? Ненависть – это ведь грех? Но Меланью переполняла ненависть. К себе, к мужу, к его сыну, которого она ни разу не видела, и который погиб, обрекая ее каждую ночь терпеть муки, пока князь пытается зачать еще одного наследника. За что, Господи, за что ты наказал столь страшно?

Меланья тщетно пыталась вслушаться в монотонный бубнеж священника. Может, он способен дать ответ: почему именно на ее долю выпали эти испытания? Но кажется, отец Игнатий был безбожно пьян. Он странно покачивался, а его язык то и дело заплетался. Меланья бросила быстрый взгляд на мужа. Его, кажется, все вполне устраивало. Меланью вдруг посетила странная мысль: эти похороны походили на выступление ярморочных скоморохов. Единственного наследника князя Юрьева хоронили так, словно он был крепостным холопом. Ему даже не оказали заслуженных почестей. Меланья не была дворянкой, но даже она знала, что вице адмирала, доблестно сражавшегося с турками и взятого в плен, должны хоронить не так. Наверное, князь мстил сыну за смерть в плену. Мстил, подобной шутовской церемонией, пустым, грубо сколоченным гробом, пропитавшимся винными парами священником. И даже этот унылый погост тоже был част мести. Меланья буравила взглядом деревянный крест, который два дюжих крестьянина пытались установить над могилой. Она была зла на пасынка. Кому нужны его безумные геройства и подвиги?! Зачем он пошел на смерть? Неужели, плен лучше богатой сытой жизни?! Пытки, грязь, ужасы... На Меланью нахлынула новая волна отвращения к себе. Она злилась на него, ненавидела лишь по одной причине: своей смертью он обрек ее на каж-

додневные пытки. Теперь она вынуждена терпеть домогательства отвратительного существа, которого даже не могла назвать мужчиной. На щеку упала холодная слезинка. Меланья удивленно поднесла руку к щеке и стерла влагу, но на ее место тут же приземлилась следующая. Она плачет?

– Дождь пошел... Хорошего человека, значит, хороним. Раз даже небеса скорбят.

Евдокия Романовна Демидова, тетка ее мужа, задумчиво смотрела на крест. Ее сморщенное лицо было покрыто настолько толстым слоем пудры, что пожилая княгиня была похожа на призрак. Не иначе явилась за внучатым племянником, чтобы лично сопроводить на тот свет. Меланья с трудом подавила истеричный смешок. Боже, она лишь надеялась, что пасынок окажется в аду, где испытает те же мучения, которые она испытывала каждую ночь, лежа в кровати ненавистного мужа.

Глава II. Командировки

Над пропастью бездонною стоять

И чувствовать, что надо погибать,

И знать, что бегство больше невозможно.

(с) Аполлон Григорьев

Ветер настойчиво бился в окна. Стекла тревожно звенели под каждым ударом. Тупая боль волнами проходила по телу. А с кухни доносились аппетитные запахи. С трудом Вика вынырнула из сна. Она несколько раз моргнула, пытаясь стряхнуть остатки странных видений. Перед глазами проплывали мутные картинки. Звонок в дверь. Высокий и напряженный Павел на пороге. Какой-то мужчина рядом с ним. И страх... Жуткий отчаянный страх, что все повторится вновь. Вика нахмурилась и попыталась сесть в кровати. Комната поплыла в сторону. Вика наклонила голову, чтобы унять тошноту. Спутавшиеся волосы упали на лицо, и ей вдруг стало противно от самой себя. Ей ведь всего тридцать пять, а чувствует себя восьмидесятилетней развалюхой. Волосы грязные, на ладонях ссадины. Вика обняла себя за плечи и сжала и колени. В памяти всплывали обрывки сна. Кажется, она вновь очутилась в детстве. Комнатка на четверых. Темный мрачный особняк. Кованые ворота. Старые, пропахшие пылью шторы. Чернильные разводы на исцарапанных партах. Вика нахмурилась. Почему именно сейчас? Она старалась не думать о юности. Тогда казалось, что в жизни все будет легко и просто. Ночные вылазки в поисках призраков, посиделки с подружками, закутавшись в одеяло и дрожа от страха, прогулки по территории, тоже, конечно же ночные. Вика старалась не вспоминать прошлое. Тогда она была совершенно другой. Та Вика, нескладная, вечно мерзнувшая девчонка, мечтала о вечной любви, приключениях и жизни, полной удивительных событий. Нынешняя Вика мечтает лишь о том, чтобы возродить умирающую семью. Та Вика вызывала с подружками духов умерших аристократов. Нынешняя вызывает в школу родителей. Та влипала в неприятности и постоянно сидела наказанная. Нынешняя наказывает сама, глубоко запрятав желание вновь совершить нечто безрассудное, опасное, рискованное. От воспоминаний задрожали руки, ладони укололо тысячами иголок.

Интернат для одаренных детей, а на самом деле – для дочерей и сыновей профессоров и научных сотрудников запомнился как странное место. Вика до сих пор помнила то щемящее, едкое чувство одиночества, которое сопровождало ее повсюду, куда бы она ни пошла. Все проступки, которые она совершала, имели одну цель: привлечь внимание родителей, заставить их забрать ее. Но однажды она поняла, что этого не случится. Они не приедут, не заберут, не увезут ее. Только вот желание участвовать в проделках и сумасшедших затеях, зачинщицей которых она часто оказывалось, уже давно укоренилось в душе. Жажда пощекотать нервы съедала изнутри. И годы, которые раньше всегда казались потраченными впустую, теперь окрашива-

лись в иные тона. Почему-то именно они сейчас воспринимались самым ярким и счастливым временем в ее жизни. Не десять лет с любимым мужем, а десять лет в интернате...

На кухне снова послышался какой-то шум, а в животе заурчало. Вика постаралась прогнать неожиданно нахлынувшие воспоминания о прошлом. Она выбралась из кровати и сделала несколько неуверенных шагов. Неужели Рома вернулся раньше и готовит? Последний раз, когда он пытался сделать что-то сам, то чуть не испортил духовку и извел кучу продуктов из-за двух бутербродов. Вика до сих пор помнила жуткую вонь. Гарью пахли кажется даже стены в квартире. Сейчас же ароматы были совершенно иными. Рот помимо воли наполнился слюной. Держась за стену, Вика вышла из спальни и прошла в тесную кухоньку.

Прямую спину и широкие плечи она узнала сразу. У плиты стоял Павел и сосредоточенно что-то перемешивал в сковородке. Вика замерла от удивления. Помимо воли ее взгляд скользнул ниже: ну узкие бедра и длинные ноги. Сердце забило чуть быстрее. Кровь ударила в голову. С силой зажмурившись, она резко распахнула глаза и встретила взглядом с Павлом. В какой момент он обернулся. Вика сглотнула ком в горле, пытаясь вырваться из омута, в который ее затягивала насыщенная зелень радужки. Наверное, когда Бог создавал его, то задумал посмеяться над женщинами: смотрите, какой! Вам о таком только мечтать! Господи, что за мысли лезут в голову?!

Хриплым скрипучим голосом Вика выдавила:

– Почему ты до сих пор здесь?

Павел отвернулся и снова принялся размешивать содержимое сковороды. Пахло яичницей. До одури аппетитно.

– Кто-то же должен присмотреть за вами. У Семена Владимировича, увы, рабочий день в самом разгаре.

– Я не просила тебя приходить... – Вике не хватало воздуха. – И притаскивать какого-то врача.

Павел выключил плиту. Ловким движением он выгрузил на тарелку яичницу с помидорами. От яркой красно-желтой горки вверх поднимался парок. От голода живот скрутило спазмом.

– Считайте, что меня замучила совесть. – Он с ироничной улыбкой водрузил тарелку на стол, отвернулся и по-хозяйски полез в холодильник.

Достав оттуда незнакомую бутылку, плеснул в стакан яркий вишнево-алый сок. Вика сжала зубы.

– Откуда продукты?

Павел обернулся и пожал плечами:

– Все по рекомендации врача. Исключительно здоровая пища и натуральный сок. – Он небрежно кивнул на стакан. – Кстати, хорошая новость: сотрясения нет. Но обследоваться в больнице необходимо. Ушибы мазать этим. – Он пододвинул к Вике длинную коробочку с мазью. – Синяки исчезнут быстро, и болеть практически не будет. Вот здесь, – Павел указал на исписанный лист, – список всего, что нужно принимать. Таблетки тут. – Он поставил перед Викой небольшую темно-синюю сумку, которая, видимо, была аптечкой.

Боже, он даже лекарства ей принес! Купил продукты, приготовил обед. Вика с трудом вдохнула аппетитный аромат. В голове что-то замкнуло. Рома никогда о ней так не заботился. Ни разу. Даже в первые годы их брака. Так что тогда творит Павел?

– Чего ты добиваешься? Это какая-то месть за школу?

Он вздернул брови:

– Я не мог допустить, чтобы любимая учительница, которая столько от меня натерпелась, мучилась от боли.

Ирония в его голосе сорвала планку окончательно. Вика поняла, что задыхается.

– Уходи.

Павел непонимающе нахмурился. Вика облизнула потрескавшиеся губы:

– Вон!

– Вы сейчас решили пошутить?

– Немедленно убирайся из моего дома.

Темные брови Павла слились в одну линию. Внезапно он стал угрозой. Самой настоящей угрозой. От страха кожа покрылась мурашками.

– Нужно было прогнать меня вчера, когда этот уебок пытался вас изнасиловать! – Павел навис над Викторией, заслоняя свет из окна.

Вика окатило темнотой. Она тонула в серо-зеленом водовороте. И все, что могла ощущать: потрясающий запах мужской туалетной воды. Что происходит?..

– Ты решил упрекать меня за то, что спас? Ты – жалкий, самовлюбленный мальчишка. Один хороший поступок, и ждешь... Ждешь... Выметайся!

Вика толкнула его в грудь. Пальцы столкнулись с твердыми напряженными мышцами, от которых исходил почти адский жар. Зачем она говорит все это?! Для чего?! Ведь это не так. Если бы не он... Но Вика уже не могла остановиться. У нее начиналась истерика. Хотелось кричать, выть, кусаться, как дикому зверьку, запустить ногти в его кожу и разорвать в кровь совершенное лицо.

– Извините, что потревожил, Виктория Сергеевна. – Павел отступил от нее на шаг и издевательски кивнул. – Оставляю вас дожидаться... Рому. – Павел буквально выплюнул имя ее мужа, развернулся и, схватив куртку, вылетел из квартиры. Господи! Господи! Господи! Что происходит?! И что она творит? Вика метнулась к окну и спряталась за занавеской. Павел пулей вылетел из подъезда. Он двигался как смерч, ураган, сметающий все, на своем пути. Вика сжала в кулаке занавеску. Павел не обернулся. Он исчез в салоне своей дорожной машины. Мигнули фары и, взвив колесами снежную грязь, автомобиль рванул вперед по дороге так легко, словно и не было серой жижи, в которую превращались сугробы. Вика потянулась к стакану и, не отдавая себе отчета в том, что творит, швырнула его в стену. По кухне разлетелись сверкающие стеклянные осколки, а по обоям расплылось уродливое оранжевое пятно. Вика опустила на колени и зажала ладонями уши, в которых до сих пор звучал низкий голос Павла. Почему с ней все это происходит? Почему?! Вика поняла, что беззвучно рыдает, лишь когда ощутила боль в распухшем лице. Кожу стягивало и жгло. Горло саднило. Хотелось закричать... Держась за стол, Вика поднялась на дрожащие ноги. Ее жизнь катится к чертям. В какой момент все вышло из-под контроля? Почему она не заметила, что что-то не так? А может, все так? В конце концов, ну что такого произошло? Нападение в темном переулке? Но она не единственная жертва в мире. Рома не бросился ей на помощь? Но ведь он столько работает, устал. Может же она сама о себе позаботиться? Но Вика не хотела заботиться о себе сама. Ей было так паршиво, что хотелось волком выть и крушить все вокруг. Он ее муж, черт возьми! Едва стоя на ногах, Вика добрела до телефона и дрожащими руками набрала Рому. Он ответил не сразу. Вика сбилась, считая бесконечные гудки. Ну чем, чем можно заниматься? Наконец, Рома ответил. Вика сразу поняла, что он раздражен и даже сердит.

– Вик, ну что такое? Я занят! – Он с такой злостью рявкнул два этих слова, что Вика вздрогнула.

Звенящим от боли и едва сдерживаемого напряжения голосом Вика выдавила:

– Мне плохо... Приезжай, пожалуйста.

– Вика... Я. Работаю. Мне некогда ездить туда-сюда. Вызови «Скорую»! И хватит беспокоить меня по пустякам.

Он отключился, а Вика медленно сползла на пол. По пустякам? Ее боль – это пустяк? Ее страх – это пустяк? Десять лет их жизни – тоже пустяк? Вика прижала колени к груди и обхватила руками. Выходит, для него она – ничего незначущий пустяк, который отвлекает и беспокоит. Громкая трель мобильного заставила вздрогнуть от неожиданности. Неужели,

Рома? Понял, какие ужасные слова ей сказал и звонит, чтобы извиниться... И сказать, что обязательно сейчас приедет.

Вика схватила телефон, мельком взглянула на экран и нахмурилась. Звонил вовсе не Рома. Высветившийся номер был ей не знаком. В странном оцепенении Вика сидела на полу, смотрела на телефон и чего-то ждала. Звонящий не желал сдаваться. А она не хотела брать трубку. Но странное предчувствие, что этот звонок может изменить жизнь, заставило ответить... Вика коснулась пальцем экрана, прижала телефон к уху и неуверенно произнесла:

– Д-да?

Секундная пауза, и на том конце провода приятный женский голос удивленно спросил:

– Виктория Сергеевна? – Спросила так, будто до последнего сомневалась, что Вика ответит.

– Да. Это я.

– О-о... Здравствуйте! – В голосе незнакомки облегчение и... радость? – Вы меня не знаете. Я – Лена, сослуживица вашего мужа. – Она говорила быстро, торопясь, не давая Вике вставить и слова. – Вы, возможно, будете ругаться... Я ваш номер совершенно случайно подсмотрела у Иры – Роминой секретарши.

Вика изо всех сил пыталась переварить такой поток информации. Лена говорила очень быстро, словно боялась потерять мысль. Все, что Вика успела вставить:

– Очень приятно...

– О! И мне! Я вот почему звоню... Только не сердитесь, пожалуйста... Мы с мужем недавно переехали. И пришлось сына перевести в школу поближе. И оказалось, что вы там работаете... Не подумайте ничего такого... Я просто хотела с вами посоветоваться... Дети – сами понимаете...

Вика мало что понимала. Она с трудом соображала, мысли запутывались, становясь клубком склизких змей. Лена еще что-то говорила, а Вика пыталась справиться с внезапно нахлынувшей тошнотой. Голова кружилась, и пришлось привалиться к стене. Сквозь мутную пелену прорвался женский голос.

– ...Так вы встретитесь со мной?..

Ох, с кем она должна встретиться? Вика нахмурилась и потерла лоб.

– Да-а-а... Встречусь...

– О! Чудесно! Завтра сможете? Просто, я бы не хотела приходить в школу... Леша не должен думать, что достаток родителей как-то отличает его от других детей...

Вика уперлась лбом в колени. Какой еще Леша?

– Ему и так тяжело после частной школы... Все совсем другое... Ну так что, завтра?

Вика коснулась распухшей щеки. Боль прошла мягкой волной до виска. Соображай же!

– Завтра я не смогу... Может, в понедельник?

– Да-да-да! Было бы чудесно! Во сколько вы сможете?

Вика попыталась вспомнить свое расписание.

– Часов в шесть подойдет?

– Да! Замечательно! В паре кварталах от школы есть кафе «Бисер». Может там встретимся?

Вика потерла висок, в котором пульсировала боль. Название было смутно знакомым, но она никак не могла вспомнить... Ах, да! «Бисер»! Умопомрачительно красивый фасад и неподъемные цены. Вряд ли ей хватит даже на чашечку кофе. Но любопытство и желание узнать, что там внутри, пересилили все здравые мысли и опасения.

– Да, хорошо. В шесть в «Бисере».

– Супер! Договорились! Если что, я позвоню еще.

Вика выдавила тихое:

– Хорошо.

– Тогда до понедельника. И спасибо огромное, что согласились встретиться со мной. В голосе Лены слышалось столько энтузиазма, что Вика скривилась.

Она быстро попрощалась и отложила телефон в сторону, как будто оттуда могла появиться Лена собственной персоной. О разговоре и его причинах думать не хотелось. Голова была забита ватой, вперемешку с мыслями о Роме. И Паше... По коже пробежали мурашки, а зубы начали выбивать дрожь. Холодно и одиноко. Вика поднялась с пола. Что-то в ее жизни пошло не так. Она старалась выстроить уютный дом, создать крепкую семью. Но кажется, потерпела поражение. Осталась работа. На которой все тоже шло не очень гладко. Ее ученики занимали первые места в окружных и городских олимпиадах, и это злило коллег. А начальство нагружало всевозможной работой, оправдывая это тем, что у Вики нет детей, а значит, и свободного времени полно.

Вика не могла понять, как получилось, что она осталась в одиночестве. Десять лет она выстраивала семью с каким-то нездоровым энтузиазмом. Ей всегда казалось, что все зависит только от нее. Но видимо от нее не зависело ни черта. Вика поднялась с пола и огляделась по сторонам. Тишина. Мертвая вязкая тишина. Какое-то болото. Раньше ей всегда казалось, что здесь уютно, спокойно и надежно. А сейчас вдруг возникло странное ощущение обреченности. Как будто ее поглощала грязная жижа. Засасывала туда, где пусто, холодно и одиноко. И чем больше Вика сопротивлялась, тем быстрее ее утаскивало на дно. По коже прошел озноб. Наверное, она действительно умирала. Не физически, нет. Хотя для нее невозможность иметь детей и была смертью. Она умирала морально. Вика зашла на кухню. Ужасное пятно впиталось в обои. Нужно будет придумать, что сказать Роме. Ну вот, она уже планирует, как будет врать мужу. Ой, наплевать! Он отмахнулся от нее, оставив мучиться от боли и страха.

Аромат остывающей яичницы снова возбудил аппетит. Вика потянулась к тарелке. Сначала она хотела выбросить Пашину стряпню в мусорку. Но сейчас вдруг передумала. О ней никто так еще не заботился. Даже родители. Роме вообще не приходило в голову что-нибудь ей приготовить. Даже те злополучные бутерброды он делал для себя. Взяв из ящичка вилку, Вика села и осторожно зачерпнула желто-красную смесь. Медленно поднесла ко рту и коснулась языком яркого кусочка помидора. Она и сама не знала, чего ожидает. Что отравится и упадет замертво? Или... что ей понравится? Кажется, это было еще хуже, чем яд. Но любопытство, гадкая черта, сохранившаяся от прежней Вики, пересилило. Не давая себе опомниться и передумать, Вика обхватила вилку губами и поймала языком теплые кусочки еды. Она даже зажмурилась от удовольствия. Все еще теплая яичница таяла на языке, помидоры оказались сочными и мягкими. Веточки зелени приятно хрустели. Вика и сама не заметила, как очистила тарелку и потянулась за добавкой.

Какой-то нетерпеливый мудака позади начал сигналить, и я в бешенстве ударил по газам. Не знаю, что так вывело из себя. Обычно, я легко беру верх над эмоциями. Но тут... Хотелось смеяться над самим собой. А чего я ожидал? Что она бросится ко мне с объятиями и слезами? Что будет вечно благодарна и обратит наконец внимание? Да, наверное, чего-то в этом роде. Ну уж точно не того, что меня выставят из дома, как шелудивого пса.

К такому повороту событий я оказался не готов. Ладно тогда, десять лет назад, она вряд ли подозревала о моем существовании. Пока я не привлек ее внимание какой-то идиотской выходкой. Но сейчас... Я надеялся, что сейчас все будет по-другому. Нет, все так же. Все, мать вашу, еще хуже!

Я пропал, когда она впервые вошла в класс. Крошечная, в этих своих круглых очочках и белой блузке. Пиздец... Внутри все скрутилось в ебанный узел, который с каждым днем становился еще больше. Эта хрень меня не отпускает до сих пор. Виктория Сергеевна. Виктория. Вика...

Нет, для меня только Виктория Сергеевна. Это максимум, на что я могу рассчитывать. Вико́й она была только в моих мечтах, когда орала подо мной, срывая голос до хрипоты, пока я с остервенением вбивался в нее. А она расцарапывала мою спину в кровь. Так, что потом не заживало бы... Даже не знаю, в какой момент эти фантазии стали настолько реальны, что я почти верил. Каждый день, когда приходил к ней в кабинет, представлял, что сегодня ночью мы были вместе. Что ее уставший обессиленный вид из-за бешеного траха со мной. Но она меня не замечала. Готовилась к свадьбе с каким-то уродом, который оказался удачливее меня.

И продолжает не замечать. Столько лет после окончания я приходил в эту гребаную школу, общался с теми, с кем вовсе не хотел общаться, лишь бы знать: что происходит в ее жизни. Она же, вместо меня, выбрала себе какого-то Рому. Я его видел. Ебанный задрот, который решил отобрать то, что должно было принадлежать мне! Она шлялась ночью одна, в каком-то вшивом переулке, а потом, лежа без сознания, звала его. А что досталось мне? Очередная порция нотаций. Она до сих пор воспринимала меня как мальчишку.

Хотя, в этот раз мне, кажется, удалось вывести ее на эмоции. Хоть на какие-то! Грудь до сих пор жгло в том месте, где ее пальцы меня касались. Не знаю, как удержался, чтобы не завалить ее на пол и не отыметь прямо там. Внутри и сейчас все дрожало от напряжения. Такое ощущение, что взорвусь, если не прикоснусь к ней снова. Опустил окно, чтобы хоть чуть-чуть остыть. Шум улицы и ледяной воздух немного отрезвили. Если проведу еще несколько минут в машине, точно сойду с ума. Не помню, когда последний раз так рвался на работу. Там опять какие-то проблемы, которые теперь для меня, как подарок – может, хоть они позволят ненадолго отвлечься от мыслей о ней. Чертова Виктория Сергеевна, будь ты неладна!

Сложно выбросить ее из головы. После школы прошло десять лет, и все это время она постоянно маячила на задворках сознания. Теперь, когда увидел ее снова, понял, что напрасно пытался выгнать ее из разума. Она как болячка. Вирус, поселившийся в организме. Хуже. Еду, а перед глазами ее стройные ноги, длинные, обнаженные. Бедра, лишь едва прикрытые какой-то полупрозрачной белой штуковиной. Мысль о том, что в этом она ходит при муже, доконала. Я ощущал физическую боль. Мышцы сводило, когда понимал, что она принадлежит другому. Что его, а не меня, встречает в таком виде. Перед ним разгуливает почти голая. Обхватывает его бедра красивыми ногами. Это он может каждый день смотреть на нее, почти раздетую, любоваться тем, как ткань натягивается на груди, не скрывая темно-розовых ареол и набухших от холода сосков.

Впереди внезапно вырос фонарный столб. Каким-то чудом в последнюю минуту удалось свернуть. Ну что, Виктория Сергеевна, как вы отреагируете, когда на могильной плите напишут: «Нерадивый ученик. Погиб, мечтая о сиськах своей училки»? Может хоть тогда мне удастся получить от нее какую-то другую речь, отличную от наставлений, упреков и морали? Со своим муженьком она наверняка говорит другим тоном и даже не думает читать ему нотации. Я же так и остался для нее мальчишкой. Мальчишкой, твою мать!

Я все-таки во что-то въехал. Сшиб огромный бак, который с жутким грохотом врезался в ограждение. Какой козлина его тут поставил?! Чем дальше, тем больше меня охватывала злость на весь мир. На нее... За то, что до сих пор маячит перед глазами бледным призраком. Личный дьявол с ее лицом и голосом. Показывает, что есть у другого и чем я никогда не смогу обладать.

Наконец, здание офиса. Сам не ожидал, что вздохну с таким облегчением. Может хоть здесь мысли о Вике перестанут преследовать, и получится ненадолго ее забыть?! Достаточно будет и пары часов без постоянного ее присутствия в моей голове.

Офис встретил строительными лесами, километрами пленки и облаком сероватой пыли. Она смешалась с воздухом, став его частью. Все находящиеся здесь дышали ею. Она оседала на волосах, въедалась в кожу. Мне кажется, мы уже все провонялись старой штукатуркой.

– Ты чего так долго?

Ваня, прораб, выбрался из крошечной каморки, где расположился наш кабинет. Он был одним из лучших специалистов, каких только можно найти. Но имел один недостаток: любил лезть в чужие дела. В мои, в том числе. Переступая через горы мусора и куски отколотой штукатурки, я добрался до него:

– Были важные дела.

– У нас тут проблема нарисовалась, между прочим.

Видимо, мне придется весь день выслушивать нравоучения. Сначала от Вики, теперь от Вани. Нужно было куда-то выместить всю накопившуюся злость. Например, на него.

– Ну так реши ее. Именно для этого ты здесь.

Я до сих бесился из-за своего идиотского поступка. Зачем поехал к ней? На что надеялся?.. Пнув ногой растянувшийся змеей провод, я направился в каморку.

– На нашу голову активизировались какие-то борцы за культурное наследие города.

– Чего хотят? – Я распахнул дверь нашего «кабинета» и шагнул внутрь.

Стены, пол и даже потолок – все было закрыто защитной пленкой. Стоящий посередине стол, заваленный бумагами и еще черт знает чем, выглядел здесь очень странно. Ваня не отставал.

– Ну как же?! Сохранить это самое наследие. – Ваня помахал руками. В этот момент он до странного напоминал пингвина, пытающегося взлететь.

Наверное, понял, что я не совсем догоняю, о каком именно наследии идет речь.

– Поместье, Пашенька. Поместье! Они уже завалили администрацию гневными писульками и жалобами.

А вот это уже хуже.

– У нас же договоренность с ними. Все давно решено.

– Да... Но на нас собираются натравить журналюг. И вроде кто-то решил накропать статью в местную газетенку. И какому-то правдолюбивому хрену очень не понравилось, что мы отказались от экскурсионной программы.

Блядь! Ну, начинается. Просто слов нет. Что я унаследовал от отца, так это дебильное упрямство. Если в голове поселялась какая-то мысль, то она превращалась в навязчивую идею, пока я не добивался желанной цели. Отец хотел построить офис в этом затхлом городишке. Офис, в котором можно было запугать конкурентов до смерти и устроить партнерам отдых мечты с баром, сауной и комнатами отдыха. Когда я увидел поместье, то понял, что офис должен быть именно здесь. Я хотел только это место и собирался получить его всеми правдами и неправдами. Не знаю, что такого особенного было в старых стенах. Но тут даже дышалось как-то иначе. Я знал, что мне нужно это здание, хотя оно и не подходило к задумке отца. Не совсем удачная планировка, сравнительно небольшая площадь и куча проблем с администрацией. Но оно того стоило. Когда все документы были подписаны, я наконец почувствовал... Даже не знаю, как назвать это странное ощущение. У меня появлялись цели. Как только я добивался того, чего хотел, то возникала новая цель. И так по кругу. Единственное, чего я так и не смог получить – женщина. Одна-единственная женщина. С семнадцати лет цель превратилась в жажду. В одержимость. Но когда я приобрел поместье, мне показалось, что я стал на шаг ближе к Вике. Не знаю, как это взаимосвязано. Я действительно схожу с ума, превращаясь в чокнутого безумца.

– Так что будем делать? – Иван напомнил о себе.

– Найдешь каких-нибудь старух, заплатишь и выдашь каждой речь о том, каким чудесным и полезным делом мы здесь занимаемся. Пусть учат наизусть. Киру Николаевну предупредишь, чтобы написала всем тексты. Она умеет. И обязательно проследи, чтобы интервью давали именно наши. И никакой отсебятины. Понял?

– Да.

– Дальше. Проработашь журналиста. Только аккуратно, Вань. А ни как в прошлый раз. Мне тут проблемы не нужны. Если можно перекупить, перекупишь. Если нет, организуешь другую статью. По старой схеме. Снимки того, как здесь было убого до нас, и как чудесно стало с нами.

– Будет сделано, Паш. А со школьниками что делать?

– С какими еще школьниками?

– Ну с теми, которые на экскурсию сюда намылились?

– Так организуй им эту экскурсию! Протащи по всему поместью, покажи, как тут интересно и замечательно. Пусть Кира Николаевна нарочет каких-нибудь кровавых легенд. Что-то же кровавое здесь происходило?

– Вроде все тихо-мирно было... – Ваня растерянно пожал плечами. Иногда хотелось всадить ему кулак в челюсть, чтобы быстрее соображал.

– Так придумать надо, Вань!

– Я по этой части не очень...

– Ты идиот? – От желания с кем-нибудь сцепиться кровь начала бурлить в венах. Мне уже физически необходима драка. Насилие.

Последние лет пять такое случалось не часто. Но сейчас контроль летел к чертям. И я знал, в чем причина. В ком. Нельзя о ней думать. Нельзя.

– Твое дело – проконтролировать. Донести до Киры Николаевны мои слова и проконтролировать. Устрой «деткам» праздник по нашей обычной программе.

– Аниматоры и закуска? – Иногда его идиотизм переходил все границы.

– Просто походи и передай все, что я тебе сказал, Кире Николаевне. Слово в слово, мать твою!

– Ладно, понял.

Он вышел, наконец, оставив меня одного. Жуткая серая пыль пробралась даже сюда. Как будто стоишь в тумане. Хотелось что-нибудь сломать. Кого-нибудь изувечить... Я пытался взять себя в руки, обрести потерянный контроль, но воспоминания о вчерашнем мешали. Проблема была в том, что я прекрасно понимал, в чем причина новой вспышки гнева.

Этой ночью я почти не спал. Не мог. После того, как вернулся к себе от Вики, все полетело в дерьмо. Перед глазами все время стояла она. То пустой переулочек, то вонючий уебок, напавший на нее, то ее пустой затравленный взгляд, когда она смотрела на меня. Можно было напиться, но от спиртного меня воротит. Отправиться в клуб и снять какую-нибудь шлюшку? Я просто знал, что у меня не встанет на нее. В двадцать восемь хреновых лет у меня вставал через раз. И то, если удавалось сосредоточиться и представить на месте очередной девки Вику.

И вот когда я купаюсь во всем этом дерьме, появляется она. За десять лет между нами было все – в моей голове. Когда она меня даже не узнала... Я чувствовал себя преданным. Будто она мне изменила с кем-то, наплевав на «прожитые годы». Я точно чокнулся.

– Слушай, я сегодня чуть не сдох. Ужасный день. – Рома вошел в прихожую и скинул обувь. – А ты так и не сходила в больницу? Синяки жуткие.

Рома шагнул к ней и нежно провел пальцем по распухшей щеке. Вика закрыла глаза, прижалась чувствительной кожей к холодной ладони и... не ощутила ничего, кроме отвращения. К нему. И к самой себе. Как будто дотронулась дь змеи. Наверное, ей все-таки повредили голову. Она ведь так хотела его нежности, ласки, заботы! А получил... Стоп! А что она получила?! Она и так знает, что «синяки жуткие». И про «ужасный день» слышала тысячу раз.

– У меня был не лучше.

– Что? – Рома непонимающе уставился на нее. Словно удивился, что она умеет говорить.

– Мой день. – Вика вздернула брови. – Он не лучше, чем твой.

– Вик, не начинай, а? – Рома снял верхнюю одежду и ушел в ванную. Его голос перекрыл шум воды. – Не надо вымещать свое дурное настроение на мне.

Вика постояла, глядя в закрывшуюся за ним дверь, а потом развернулась и медленно побрела в комнату. Она снова легла и укуталась в одеяло. Голова начинала нестерпимо болеть. Ей нужно совсем немного времени. Сутки или двое, чтобы прийти в норму. А потом она обязательно решит, что делать с их отношениями. С их семьей...

– Вик, ну ты где? Вика-а-а!

Вика вдруг поняла, что Ромин голос ее раздражает. Он не приносит больше того спокойствия и уверенности, которые она чувствовала прежде. Да и чувствовала ли?

– Вик, ты чего молчишь? – Он вошел в комнату. – Уснула, что ли?

Вика, молча, помотала головой и обняла себя руками. Почему-то было холодно.

– Вижу, что не спишь. Ладно, полежи. После такого нужно отдохнуть.

Он вышел из спальни и тут же начал греметь посудой на кухне. Вика закрыла глаза, пытаясь представить, что это лязгает оружие двух сражающихся насмерть воинов. Она видела дикого воина с раскрашенным лицом. Видела, как он нападает на крошечное поселение. Его топор не знает пощады. Волосы и одежда пропитаны кровью защитников деревни. Вика начала погружаться в сон, убаюканная собственными фантазиями.

– Вик, что-то я не понял: ты всю яичницу съела и ничего мне не оставила?

Голос Ромы ворвался в ее сновидение, разрушая красивую иллюзию. Вика изо всех сил пыталась удержать видение, в котором иноземный захватчик брал в плен прекрасную девушку с черными, как смоль волосами, и алыми губами. Кем она была? Первой красавицей? Или местной ведьмой, живущей на отшибе? Рома не дал ей этого узнать:

– Ты еще и в магазин успела смотаться? Слушай, а натуральный сок не слишком дорогой? И где ты взяла клубнику? Я понимаю, тебе плохо, но без нее вполне можно было обойтись. Так что с моей яичницей?

Вика натянула одеяло на голову:

– Эта яичница была для меня, а не для тебя. И я все съела.

– Ну, охренительно просто! А мне что есть теперь?!

Она сжалась в комок, превратившись в эмбрион. Может, хоть так удастся сохранить ускользающее тепло?

– Можешь съесть клубнику. И запить натуральным соком. – В ее голосе, даже слабом и охрипшем, слышался сарказм.

– Вик, я все понимаю. Но борзеть не надо! Я пашу не для того, чтобы ты все спускала на херову клубнику. Вдобавок еще и голодным должен ходить.

Она не выдержала. Просто не выдержала. Резко села и закричала, срывая голос:

– Так приготовь что-нибудь! Я устала! Меня избили! Ты понимаешь?!

– Вик, прости...

Рома приблизился к кровати и опустился на колени, сжав ее ладони в своих.

– Ну прости, слышишь? Я просто устал...

Вика выдернула руки и стерла горячие безумно соленые слезы.

– Уйди.

– Вик...

Она снова сорвалась на крик:

– Оставь меня!

Он встал с колен и быстро вышел. И Вика вдруг осознала, что впервые в жизни чувствует себя свободно. Как будто все ежедневные проблемы немного отступили, дав ей краткую передышку. Она снова спряталась под одеяло, как будто оно было волшебным и спасало от всего плохого. Укрывшись с головой, она наблюдала за тем, как пролетают снежинки за окном. Тени от них скользили по стеклу, перебежали на стены. Казалось, что это вращается блестя-

щий диско-шар. Вика медленно закрыла глаза. Почему-то ей казалось, что она снова в интернете. Вспомнились самые ужасные соседки на свете, с которыми Вика совершила бесчисленное количество проделок. Совершенно неуправляемая Кристина, готовая на любое безрассудство. Модница и любительница косметики – яркая Лена. Заводила Света, способная уболтать и втянуть в авантюру даже праведника. Казалось, что они снова все вместе и просто затаились в предвкушении очередного приключения. Сейчас комендантша завершит обход, они выждут еще минут двадцать, выберутся из своих кроватей и отправятся на поиски призраков, пропавших драгоценностей и проблем. Вика мечтательно улыбнулась. Прожить бы эти годы еще раз...

Она проснулась среди ночи от жуткой боли в спине. Половина тела затекла. Да и лежала она в страшно неудобной позе. Под щекой вместо мягкой подушки оказалось нечто твердое и угловатое, в грудь что-то упиралось. Вика медленно открыла глаза. Она не сразу поняла, что лежит в Роминых объятиях, прижимаясь щекой к его плечу, а грудью к боку. Неужели во сне перебралась к нему? Вика попыталась отодвинуться, но Ромин голос ее остановил. Наверное, все это время он не спал.

– Проснулась? – Он осторожно убрал волосы с ее лица и нежно поцеловал в лоб.

Вика прикрыла глаза и тихонько вздохнула. Как же хорошо, когда он такой. Хриплым ото сна голосом Вика прошелестела:

– Да. Больно очень.

– Ты плохо спала. Металась все время. Пришлось взять к себе. И ты успокоилась. – Рома гладил ее по голове, перебирая пальцами волосы.

Его теплое дыхание щекотало шею. Вика расслабилась. Боль начала понемногу отпускать напряженное тело. Она осторожно отодвинулась и легла на спину, глядя в потолок. От фонарей на нем застыли оранжевые полосы. Рома повернулся к ней:

– Завтра я уезжаю в командировку.

Внутри кольнула боль. Но уже другая, не физическая. Вика снова оставалась одна...

– Опять? Ты же недавно ездил.

– Два месяца назад.

Вика поняла, что все бесполезно. Бессмысленно.

– Они не могут послать кого-нибудь другого?

– Вик, ну что за детский сад. Это – моя обязанность. Мне платят деньги. На которые мы живем, между прочим.

Вика тяжело вздохнула. Она представляла, что оранжевая полоса – это дорога. Если осмелиться и пройти по этой дороге, то можно попасть в другой мир. В другую жизнь. Где можно стать кем-то другим. Она всегда была слишком мечтательной. Может, в этом проблема? В том, что все десять лет она строила красивую иллюзию? Фантазию. А на самом деле, не было ничего... Коснувшись синяка на щеке, Вика все же выговорила:

– На мои деньги мы тоже живем...

Рома фыркнул:

– На твою зарплату мы ноги протянем через день. Короче... Меня не будет две недели.

Во рту почему-то пересохло, а глаза защипало. Стараясь, чтобы голос не дрожал, спросила:

– А вещи?..

– Я уже все собрал. Пока ты спала.

Оранжевая дорожка начиналась у окна и рассеивалась посередине потолка. Вот и весь путь в другой мир. Когда Рома хотел, он прекрасно справлялся со всем сам. Выходит, она нужна ему вместо домработницы? Чтобы постирать, приготовить, погладить... Боже, как же она ненавидела гладить! Голос Ромы ворвался в мысли:

– Ты пока готовься к Новому году.

Вика повернула голову, рассматривая мужа. Он был очень красивым мужчиной. Умным, обаятельным. Всегда умел расположить к себе людей. Вика была очарована. Покорена. Все никак не могла поверить, что он, такой невероятный, выбрал именно ее. А причины лежали на поверхности. Наверное, она просто очень удобная жена. Вика облизнула потрескавшиеся губы:

– До Нового года еще далеко.

– Месяц всего. – Рома шелкнул ее по носу и повыше натянул на себя одеяло. – Ладно, спи. Мне завтра нужно встать раньше. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи... Рома...

Вика следила за тем, как он отворачивается, взбивает подушку и закутывается в одеяло. Может, она была слишком наивной, думая, что он разглядел в ней кого-то большего, чем бесплатная домработница. Вика ухмыльнулась: домработницам хотя бы платят. Она уже так устала от постоянной экономии. Приходилось ограничивать себя во всем! А что если они вообще никогда не купят новую квартиру?!

Словно голодные звери ее рвали на части самые противоречивые чувства. Вика понимала, что должна быть благодарной, что ей достался такой муж. Но ей хотелось жить. Хотелось перерыва в работе, в готовке обедов и стирке бесконечного вороха одежды. Ей хотелось хотя бы раз в неделю красиво одеться и устроить ужин при свечах, который она сама бы и приготовила, черт с ним! Хотелось сходить в ресторан, а затем до утра гулять по ночному городу и вместе встречать рассвет. Хотелось быть нужной. Хотелось, чтобы ее любовь и преданность ценили.

Вика коснулась ладонью Роминой спины. В ответ он всхрапнул и поежился. Словно ее прикосновение было ему неприятно даже во сне. Вот и вся ее нужность... Не нужна она ему. Ни капельки.

Щечочка кожу из глаз покатались горячие слезы. Они впитались в наволочку, превратившись в мокрое неприятное пятно.

Глава III. Экскурсия в забытое прошлое

И если в дверь мою ты постучишь,

Мне кажется, я даже не услышу.

(с) Анна Ахматова

Российская Империя. Времена правления Екатерины Великой

– Господь Всемогуший... Прошу тебя... Умоляю! Избави меня от него... Нет сил больше никаких... Прости мне грехи мои прошлые... Но ежели еще ко мне притронется... Я недоброе задумала, Господи. Грех страшный хочу на душу взять... Огради... Нет мочи терпеть... Пусть с ним случится что-нибудь ужасное... Пусть лошадь понесет на этой его охоте. Или волки его там загрызут! В овраг пушай упадет и шею сломает. Или хотя бы хворь его пусть свалит... Чтобы немощным стал, ничего не мог... Прости, что о таком прошу, Господь... Я за каждое слово свое ответ перед тобой держать буду. Хоть в ад отправляй за грех мой. Душу свою не пожалею, но лишь бы мучился, как я...

– Думаю, об этом лучше просить у дьявола, чем у Господа.

Меланья испуганно охнула и обернулась. Он стоял, прислонившись к стене. Заострившиеся черты лица, словно у дикого зверя. В глазах – лютая злоба. На фреске за его спиной святой Георгий пронзал копьём коварного змия. Должно быть случайно, но он стоял именно так, что продолжал тело аспида, и копьё воина устремлялось в его голову. Меланья вздернула подбородок. Она стояла на коленях перед святыми образами, а теперь получалось так, будто стоит перед незнакомцем. Он посмел не только нарушить ее уединение, ее молитву. Но и обнаружил себя. Ему не хватило благородства, чтобы скрыться. А еще он слышал... Слышал все до последнего слова. Господи, сделай так, чтобы он оказался просто заезжим путником. Недаром же у него такой изможденный вид. Будто несколько лет морили голодом, а затем обрядили

в одежды с чужого плеча и выпустили на свет божий из подземелья. Вон и цвет лица у него нездоровый, серый какой-то. Преступник? Сбежал из-под конвоя, и решил в церкви укрыться? Убьет ее, не задумываясь, и отправится дальше. Заколет ее, ограбит и в бега пустится. А может, так и лучше будет? Что ей жизнь теперь? Каждый день терпеть мучения и издевательства?

Меланья с трудом поднялась на ноги. Сегодняшняя ночь была из самых худших. Нога и спина болели нещадно. Драгоценный супруг нынче, не жалея живота своего, усердствовал в зачатии наследника. В бешенстве из-за мужской слабости швырнул ее, как куклу безвольную, на пол. А потом за ногу схватил и, как холопку, за дверь выволок. Выбросил, попользовавшись, словно она самая последняя девка дворовая. Не услужила ему, как надо...

Меланья вздрогнула от воспоминаний. Цепкие глаза незнакомца впивались в Меланью, в самую душу. Он так глядел, резал по живому и нутро вынимал. Меланье казалось, что в нее вонзается то самое копьё, которым Победоносец змея умертвил. Жуткий взгляд. Страшный. Меланья гордо подняла голову. Это движение болью отдалось в истерзанной спине. Никакие припарки не помогали.

– Здесь молят о Божьей помощи. – Меланья постаралась, чтобы голос звучал надменно, как и полагается женщине ее положения.

Но незнакомец ни капли не смутился. Его глаза лихорадочно блестели, пламя свечей отражалось в них адским огнем. На секунду Меланье стало страшно.

– В греховном деле вам Божья понадобилась...

Ухмылка исказила черты его лица, и он стал похож на дьявола с одной из гравюр, которые Меланья часто рассматривала в детстве. Когда-то давно батюшка привез из плавания несколько чудесных картин. На одной была изображена европейская деревенька, на другой – охотники, сделавшие привал, а на третьей – дьявол. Он выглядел, как обычный мужчина. Лишь два огромных крыла, как у летучей мыши, выдавали его истинную природу. Но даже не в крыльях было дело, а в выражении лица. Красивые черты, как трещина, пересекала страшная улыбка. Коварная и злобная. Он вознамерился погубить весь люд, и знал, что рано или поздно у него получится. Меланья боялась этой гравюры. Когда она стала старше, ее начали преследовать ночные кошмары. Меланья бежала по лесу, острые ветки до крови ранили кожу, выдирали пряди волос. Она пыталась спастись от хлопков крыльев над головой. Едва не задевая верхушки деревьев, за ней гнался дьявол...

Прихрамывая от боли в ноге, где даже остались глубокие борозды от ногтей муженька, Меланья прошла мимо незнакомца. Она все ожидала, что он вынет нож и перережет ей горло, но он оставался неподвижен. Просто стоял подле фрески и насмешливо глядел на нее. Поправив платок, Меланья все же осмелилась бросить напоследок:

– Мои дела не ваша забота.

Он засмеялся, нарушая торжественную тишину церкви. Пламя свечей возмущенно заколыхалось. И даже лики на образах сурово нахмурили брови. Незнакомец поклонился ей.

– Как знать...

Насколько могла быстро Меланья вышла из церкви. Почему-то ей казалось, что дьявол ее только что настиг.

Вика проснулась, сходя с ума от страха. Она задыхалась, жадно хватая ртом воздух. Рубашка прилипла к телу, даже простыня пропиталась потом. Перед глазами до сих пор мелькали расплывчатые картинки из сновидения. Жуткие сцены насилия, вызывающие дрожь ужаса.

– Ты проснулась? Провожать меня будешь?

Рома вошел в спальню, полностью одетый. Он застегивал часы на запястье и выглядел... Вика попыталась понять выражение его лица. Как будто... Как будто ему не терпится уехать.

Она выбралась из кровати и тут же поежилась от холодного воздуха, коснувшегося кожи. Совсем как во сне. Там она вновь оказалась в интернате. Только выглядел он иначе... И был населен не угловатыми девочками-подростками, а совершенно незнакомыми людьми. Все, что Вика помнила – боль, когда уродливый, толстый боров схватил ее за плечи и бросил на пол. Она чувствовала каждую неровность досок, их твердость. Чувствовала, как позвоночник простреливает огнем. Но кем бы ни был насильник, ему этого показалось мало. Он схватил ее за ногу, дернул, словно пытался вырвать. Ногти вонзились в кожу, прорывая ее и царапая. Тут же выступили алые капельки крови...

Это все из-за случившегося в переулке. В ее сознании происходят жуткие вещи. Все перемешалось в дикий сумбур.

– Вик, ну что ты застыла? Хоть поцелуй на прощание.

Рома подошел ближе. Его теплые ладони легли на Викину талию, но впервые за их супружескую жизнь, внутри ничего не екнуло. Вика осталась совершенно равнодушна. А после такого сна вообще не хотелось, чтобы кто-то прикасался к ее телу. Рома наклонился и как-то механически провел губами по ее губам. В поцелуе не было ни то, что страсти или теплоты, а даже желания ее поцеловать! Он просто выполнял повинность. Свою ежедневную рутинную обязанность – целовать надоевшую жену. Вика чувствовала именно это – она надоела Роме.

– Если что-то важное, сразу звони. Но если я сразу не отвечу, панику не поднимай. У меня почти с утра до ночи переговоры.

Рома опять щелкнул ее по носу. Откуда у него взялась эта дурацкая привычка?! Вика кивнула, по-прежнему не находя сил что-нибудь сказать.

– Вот и хорошо. Не скучай! Начинай готовиться к праздникам.

Вика снова кивнула. Рома, наконец, отпустил ее и ушел в прихожую. Вика побрела за ним. Прижавшись к прохладной стене, она следила за тем, как Рома обувается и надевает модное пальто. Он любил красивую одежду. И никогда на ней не экономил. А вот Викин гардероб ограничивался несколькими черными юбками и такими же брюками. К ним – десяток блузок. Таких же унылых, как и она сама. Она ведь училка! А учителям не положено выглядеть модно и красиво. Они – пример классического стиля... Вика ощущала себя лишь примером скуки и безысходности. Да, именно безысходностью была пропитана вся ее жизнь.

Рома накинуд шарф, подхватил с пола сумку и чемодан. Он выглядел как успешный бизнесмен. Уверенный в себе мужчина, который прекрасно осознает свое превосходство над всеми. Вика непроизвольно коснулась опухшей щеки. А как выглядела она? Уставшая, избитая, забывшая о себе ради уюта в доме. И ради него.

Рома открыл дверь и выставил наружу багаж.

– Все, Викусь. Я поехал. И смотри осторожнее. Чтобы больше никаких воров.

Вика не выдержала:

– Как будто я сама предложила себя ограбить!

Рома, кажется, не ожидал такой вспышки гнева. Он удивленно поднял брови.

– Ладно... Скоро вернусь.

Вика шагнула вперед. Сквозняк из коридора неприятно царапнул кожу. Но она остановилась лишь у порога.

– Даже не сказал, куда едешь.

Рома поморщился. Но тут же как ни в чем не бывало пожал плечами:

– В Питер.

– Ну, счастливого пути...

– Спасибо, Вик.

Рома поднял вещи и устремился вниз по лестнице. А Вика осталась одна... Ни поцелуя на прощание, ни крепких объятий, ни пресловутого, давно ничего незначущего, «Я тебя люблю». Вообще ничего. Вика захлопнула дверь и прошла на кухню, чтобы выглянуть в окно. Рома как

раз сиделся в такси. В сером сумраке все никак не наступающего утра он казался кем-то чужим. Просто незнакомцем, которого она случайно заметила. Вика вспомнила, как стояла точно так же, подглядывая за Павлом. Упрямый мальчишка, здорово попортивший ей жизнь в школе... За два дня он сделал для нее больше, чем муж за несколько лет. Наверное, нужно было сказать ему «спасибо» и не прогонять вот так грубо. Вика отвернулась от окна, утратив всякий интерес к отъезжающей машине. Раньше она обязательно стояла бы до последнего – следила бы, пока такси не скроется за поворотом и по-детски молилась, чтобы все прошло хорошо. Сейчас же ее занимали совершенно другие мысли.

Вика понимала, что это сумасшествие, какое-то безумие... Но намного больше отправляющегося в командировку мужа ее волновала клубника. Неужели Павел действительно ее принес?! Больше ведь некому. Вика распахнула дверцу холодильника и удивленно замерла на месте. Он накупил дорогущих деликатесов, на которые Вика даже не смотрела в магазине. Удивительно, как Рома не отчитал ее еще и за них. Аромат клубники заполнил всю кухню. Вика потянулась к пластиковой коробочке, откинула крышку и взяла кроваво-алую ягоду.

Она поднесла ее к лицу и вдохнула невероятный запах. Пахло волшебным. Летом, смехом и чем-то невообразимо греховным. Захлопнув дверцу, Вика прижалась к ней спиной, откусила кусочек ягоды и блаженно закрыла глаза. Терпко-сладкий сок потек по языку и губам. Невообразимый вкус. Настоящая клубника – не тот суррогат, что продается обычно в магазинах. Вика доела и даже облизнула пальцы. Как бы удержаться и не съесть все? Она будет есть по две штучки в день, не больше. Максимально растягивая удовольствие. Довольная принятым решением, Вика направилась обратно в спальню, но неуклюже задела ногой стол. По лодыжке будто прошлись наждачкой. Вика даже вскрикнула от боли. Она нагнулась, чтобы рассмотреть рану. От увиденного ее бросило в жар, кровь хлынула к голове, в ушах зашумело, щеки и лоб пылали. Спину защекотала холодная капля пота. С одной стороны на коже выделялись четыре изогнутых красных раны, едва начавших затягиваться. Кожа вокруг алых, покрывшихся коркой полумесяцев, уже пожелтела. Точь-в-точь, как в ее кошмаре. Это невозможно. Или вчера она не заметила их среди других синяков? Но ведь там они никак не могли появиться. Вика отерла покрытый испариной лоб. Не нужно волноваться понапрасну. Скорее всего вчера она просто не обратила внимание на царапины. Да мало ли как она умудрилась их получить! А ночью нога разболелась, вот и приснилось такое. Да, так и было.

Убедив себя, что ничего страшного не случилось, Вика вернулась в спальню и снова легла. Но сон не шел. За окном едва-едва занимался рассвет. Хмурое небо нависало прямо над домами, обещая новую порцию снега. Поехать бы сейчас в старый дом, оставшийся от родителей. Там, наверное сейчас красота. Как в сказке. Вика нахмурилась. Может, встретить Новый год за городом? В доме? Он, конечно, совсем маленький – одноэтажный, но теплый и надежный. Отец строил на века. За месяц Вика успеет привести его в порядок. Правда, придется повозиться – она давно там не была. Но почему бы и нет?

Неожиданно пришла другая мысль. Этот дом всегда был для Вики убежищем... Рома настаивал на продаже. Дом ему не нравился: он называл его «старой хибарой» и развалюхой, уговаривал продать, а деньги вложить в новую квартиру. Вика не соглашалась. Он был памятью о родителях. Единственной памятью. Они не особенно ладили. Вика никак не могла смириться с тем, что ее отдали в интернат, что она была фактически одна, пока родители устраивали карьеру. Родители же всегда утверждали, что она ничего не понимает, что так было нужно и благодаря им она имеет хорошее воспитание и образование. Вот только, куда их теперь девать, непонятно. Отец оказался втянут в какую-то темную историю. Их маленькая семья лишилась всего. Сначала умер папа. Следом ушла мать. Вике оставалось злиться, что они снова бросили ее. Дом был якорем, за который она могла ухватиться. Во время крупных ссор с Ромой она оставляла все и уезжала туда. Правда, стоило приехать Роме следом и попросить прощения, Вика возвращалась. Странно, но прокручивая сейчас в голове все их громкие скандалы, Вика

вдруг поняла, что в каждом из них получалась виноватой почему-то именно она. По крайней мере в этом ее пытался убедить Рома.

Нет, так больше невозможно! Вика откинула одеяло и села в кровати. Она изведет себя такими мыслями. Еще хоть час наедине с собой, и психушка ей гарантирована. Вика снова выбралась из уютной постели и отправилась в ванную. Синяки выглядели ужасно. Фиолетовые, опухшие, похожие на выцветшие чернильные пятна с неровными краями. Она вспомнила про аптечку, которую принес Павел, и целый список рекомендаций, когда и чем мазать отеки. Отыскав нужную мазь, Вика начала осторожно накладывать ее на лицо. Интересно, чем вызвана его забота? Ей было непривычно подобное беспокойство. Неужели и вправду чувствует вину за свое поведение в школе? Вика невесело усмехнулась своему отражению. Кого она обманывает?! У того, кто так хладнокровно орудовал ножом в подворотне, не может быть никакой совести. А что если он убил того урода? Что если его теперь разыскивает полиция? Вику прошиб холодный пот. Даже если такое случится, она будет всячески отрицать вину Павла. Придумает какую-нибудь ложь... Да что угодно! В памяти всплыло его лицо. Напряженные заострившиеся черты, зеленый, прожигающий насквозь взгляд. Он превратился в красивого мужчину. И очень опасного. Ей казалось, что ему не впервой пользоваться оружием. Тогда, в проулке, в нем чувствовалось что-то дикое, первобытное. Опасность, которая от него исходила, ощущалась на уровне инстинктов. Интересно, каким он стал? Чем теперь занимается? Кажется, у его отца был строительный бизнес. Пошел ли Павел по его стопам? Или выбрал что-то другое?

Впрочем, ее это не должно волновать. Они вряд ли еще когда-нибудь встретятся. Особенно после того, как Вика его выставила. Ладно, сделанного не воротишь. Она повела себя как истеричная идиотка, и теперь ужасно стыдно. Но теперь никак нельзя извиниться перед Пашей за свою неблагодарность, а значит и нет смысла забивать себе этим голову. Нужно подумать о том, что ее семья разваливается на части...

Вика уныло ходила из комнаты в комнату. За неделю накопилось столько дел, но она не имела ни малейшего желания ими заниматься. Не было сил разбирать гору нестиранной одежды. Готовить тоже не имело смысла. Ей хватит и того, что есть в холодильнике. Да еще и Павел принес столько еды. К урокам она готова, тетради проверены еще в пятницу... Раньше она старалась успеть в выходной, как можно больше. Сегодня не хотелось ничего. Вика смотрела в окно, на улицу, где уже окончательно рассвело. Стены квартиры давили. Вика задыхалась. Ей необходимо было вырваться из ловушки, в которую превратился уютный прежде дом.

Несколько часов она просто бездумно бродила по городу. Мелкие снежинки нехотя падали с неба, холодя щеки. Снег скрипел под ногами, как гнилые половицы в старом доме. Вика все никак не могла забыть свой сон. Мысли смешивались и путались. Она вспоминала, как во сне пыталась сдерживать рыдания, пропитанная ненавистью к уродливому насильнику. Ей хотелось кричать, рыдать во весь голос от боли и несправедливости, от того, что вынуждена терпеть. Но она решила молчать. Не позволить ему наслаждаться ее слезами. Картинки из сна смешивались с памятью о Ромином уходе. Между ними был холод. словно два чужих человека, волею обстоятельств оказавшиеся в одном помещении. Десять лет они прожили вместе. Десять лет Вика пыталась оправдать Ромин выбор, его ожидания. Из кожи вон лезла, чтобы он был ею доволен, чтобы не разочаровался. Она ведь прекрасно понимала, что не так красива, как другие женщины! Да, по-своему привлекательна, но не более. Она редко красилась, почти никогда не меняла прическу. А все ее попытки одеваться модно сталкивались с выговорами администрации и Ромиными нотациями, что им нужно экономить.

А теперь получается, что она осталась одна. Рома уехал в командировку. На его лице читалось... облегчение? Вот, что она получила за годы труда и заботы о нем. Облегчение

на лице любимого мужчины. Скандал из-за клубники и претензии, что съела всю яичницу. Несколько ворон бодро проскакали по снегу, оставляя крошечные следы лапок. Голые деревья задумчиво смотрели им вслед. А Вика вдруг увидела то, что давно лежало на поверхности. Она не нужна Роме. Не нужна, как женщина, как жена, как любовница, как друг. Они чужие люди. Ему было все равно, что с ней. Ему нужен был ужин и чистые рубашки, когда она еле дышала от боли и отчаяния. Когда он смотрел на ее синяки, Вика видела в его глазах равнодушие. Он требовал чертову яичницу, когда она стонала от боли!

Неужели, это все? Конец их жизни, конец их семьи? Нет, нет, нет... Она так просто не сдастся. Десять лет строить, по кирпичикам выкладывать семейную крепость, чтобы просто опустить руки? Все дело в ребенке. Им нужен ребенок. Частичка их обоих. Как только Рома вернется, им нужно серьезно поговорить. Она обязательно должна убедить его. Всеми правдами и неправдами заставить дать деньги на ЭКО. А для этого необходимо придумать что-то действительно необычное.

Вика невесело ухмыльнулась. Для начала хотя бы вернуть секс в отношения. Несколько месяцев они ограничивались лишь тем, что спали в одной кровати. Да и до этого все шло не очень гладко. Рома как заведенный твердил, что адски устает, а затем все-таки прикасался к ней с таким видом, словно приходилось выполнять тяжелейшую повинность. Может, ему что-то не нравилось? Или он хотел попробовать что-нибудь новое?.. Рома был ее первым и единственным мужчиной. Конечно, раньше ей не доставало опыта, смелости и даже раскрепощенности. Но ради него она всегда старалась побороть неуверенность. Как только он вернется, они сядут и спокойно обо всем поговорят.

В душе засело дурное предчувствие. А что если говорить уже поздно? Что если она упустила тот шанс, когда еще что-то можно было спасти? Вика понимала, что еще немного, и сойдет с ума от всех страхов и сомнений. Она осознавала, что в жизни все совершенно не так, как она хотела. Но как это исправить? И только ли она должна ломать голову над этим вопросом? Вика остановилась возле старого дерева. Его голые скрюченные ветви тянулись во все стороны, перекрывая неясный утренний свет. Сняв перчатку, она коснулась шершавого обледеневшего ствола. Пальцы пронзил холод. Рома изменился. И уже очень давно. Первые годы их жизни были сказкой. Нет, не так. Первые месяцы. Первые несколько месяцев были сказкой. Вика пребывала в волшебном дурмане, уверенная, что нашла своего единственного. Счастливая... Боже, какая же она была счастливая. Целые дни у плиты и гладильной доски не могли пошатнуть ее уверенности в своем счастье. Казалось, что она справится со всем. Тогда Рома был к ней очень внимателен, нежен, заботлив. Он беспокоился о ней, берег. Волновался, когда она задерживалась на работе и приходил встречать. Приносил завтраки в постель. Поил сиропами, если она вдруг заболела, и не отходил до тех пор, пока Вика не вставала на ноги.

А что сейчас? Сейчас он с равнодушием смотрел на ее синяки и целовал так, словно она была змеей. Вика прижалась лбом к промерзшей коре, едва сдерживая слезы. Если бы мать и отец были живы... Она бы спросила совета у них. Втроем они бы наверняка придумали, как сохранить ее семью. Но они умерли, а Вике даже не с кем поделиться. С девочками из интерната они давно уже не общаются. На работе завидуют ее маленьким успехам... А больше ведь никого и нет. Как-то так получилось, что вся ее жизнь оказалось сосредоточена на Роме. У него, конечно, было много друзей и знакомых. Но не пойдет же Вика жаловаться на неудавшуюся семейную жизнь им!

Она оказалась в ловушке, в которую сама же себя и загнала. Права была красавица Лена, ее соседка по интернату. Она всегда повторяла: главное, чтобы любили тебя. А ты придумаешь повод, чтобы полюбить Его.

Похоже, Вика насочиняла целый том поводов, чтобы любить Рому. Но вот любил ли он ее?..

Сколько она так простояла, Вика не знала. Пальцы начали окоченевать. Давно в конце ноября не было таких морозов. Город потихоньку просыпался. На улицу вышли заспанные дворники. Нехотя выбирались из уютных кроватей те, кому не повезло работать в воскресенье. Осторожно ползли по скользкой дороге первые автомобили. Вика еще немного простояла у дерева. Она должна что-то придумать. Изменить свою жизнь. Вика побрела в сторону от дома. Если она оставит все, как есть, то сама обречет себя на унылое существование среди кастрюль и грязного белья. Она не хотела больше быть нянькой для Ромы. Неужели он не мог уделить ей хоть капельку внимания? Не мог позаботиться о ней?! Вика брела по городу, всматриваясь в хмурые лица. Кто-то отвечал ей удивленным взглядом, а кто-то даже не замечал. Она словно была невидимкой. И если некоторые чуть дольше задерживали на ней свой взгляд, то лишь из-за жутких синяков. Вика почти до самых глаз натянула шарф и туго завязала. Уж лучше пусть думают, что она жуткая мерзлячка.

Вика все брела и брела вперед, не имея никакой цели. Она просто шла, чувствуя, что должна идти. Она ощущала потребность уйти как можно дальше от дома. Сбежать от всех забот и проблем. Даже хорошо, что Рома уехал – у нее будет время подумать и решить, что делать. Рядом звякнул колокольчик, вырвав Вику из мыслей. Она удивленно обернулась: молоденькая девушка пыталась прицепить табличку к двери магазина. Вика вернулась назад и подошла к девушке:

– Давайте помогу?

Та удивленно подняла голову и чихнула. А затем улыбнулась:

– Эта зараза постоянно падает. – Она помахала табличкой. – Вы просто поддержите ее, а я привяжу.

Вика взяла табличку с надписями «Открыто» и «Закрыто» и взглянула на витрину небольшого магазинчика. Сверху на нее взирали безглавые манекены. На каждом – потрясающее вечернее платье. Вика на секунду задержала дыхание.

– Все, кажется держится. – Девушка забрала из Викиных рук табличку и для верности подергала.

Вика продолжала смотреть на платья. Они были такими красивыми... Потрясающими.

– Приглянулось что-то?

Вика вздрогнула. Она совершенно забыла, где находится.

– Да нет... Я просто...

– Зайдите, посмотрите что-нибудь. Скоро Новый год, корпоративы и все такое...

Вика улыбнулась:

– На мою работу нужно что-нибудь попроще.

Девушка, которая, видимо была продавщицей, небрежно взмахнула рукой:

– Ну так можно и не на работу! Может вас куда-то пригласят... Или парня побаловать. – Она весело хихикнула. – Разное в жизни может случиться, а платья подходящего нет! У нас вся одежда – ручная работа. Сразу и подогнать можем.

Настроение упало еще ниже. Ручная работа... Стоят они, наверное, уйму денег. И платье ей не светит.

– Ой, ну зайдите, пожа-а-алуйста. Я со скуки тут умру. В воскресенье вообще мало кто заходит. А тут еще такой снег... А мы с вами платья померяем! За примерку же денег не берут. – Девушка свела брови и надула губы.

И почему у нее нет чувства воли?! Вика бросила еще один взгляд на платья. Они такие красивые. Ну в самом деле, что она теряет?! Хотя бы на несколько минут почувствует себя настоящей женщиной, а не занудной училкой и уставшей домработницей.

– Ладно, я зайду. Только предупреждаю сразу: ничего покупать не буду, даже не старайтесь. Я вышла просто погулять. И денег не взяла.

Девушка быстро закивала. Ее глаза радостно загорелись.

– Идемте! Кстати, меня Лиза зовут. Мы тут с мамой шьем. На заказ, ну и просто так. Я предлагала маме выходной сегодня устроить, но она твердо уверена, что открывать ателье нужно каждый день. – Лиза умудрялась избавляться от бесконечных слоев одежды и одновременно тараторить. – Она у меня с этой... ну, с чудинкой. Считает, что одежда, пошитая руками, волшебная, и может изменить жизнь обладателю. С каким настроением шьем, такую энергетику она и несет. Чаю хотите?

Вика с трудом успевала следить за полетом Лизиной мысли. Очки запотели от тепла, и пришлось протирать их неловким движением. А еще отвлекали десятки платьев, которые, кажется, были повсюду.

– А что вы стоите? Раздевайтесь скорее! Будем мерять! Кстати, а как вас зовут? Меня – Лиза. А, я уже сказала, да?

Вика улыбнулась:

– Да, сказали. Я – Вика, очень приятно познакомиться.

Вика стащила пуховик и развязала шарф.

– Ой! – Лиза нахмурилась.

Вика тут же вспомнила про синяки. С говорливой Лизой она совершенно про них забыла.

– На меня напали. Вор. Избил и пытался... деньги забрать.

– Офиге-е-еть... – Лиза водрузила на небольшую стойку, как в баре, две чашки и пакет с печеньем. – И вы отбились? Долбанули его как следует?

– Н-нет... Мимо автомобиль проехал... Спугнул его.

– Ну и ну. Это надо ж... Надеюсь, у него руки отпадут за такое!

Вика мрачно ухмыльнулась. Благодаря Павлу у него уже отпало кое-что другое.

– Ладно, все. Давайте примерять.

Рядом с Лизой Вика чувствовала себя пенсионеркой. Да еще это «вы». Как будто снова в школе.

– А давай на «ты»?

Лиза улыбнулась так радостно, словно ждала этого момента всю жизнь.

– А давай! – Лиза бодро выгружала на стойку новые сладости. – А у тебя классная фигура! Слушай, а можно тебя в наших платьях сфотографировать? Для портфолио и соцсетей.

Вика поморщилась:

– С таким лицом?

– Ой, точно. – Лиза приуныла. – Может, без лица тогда? О! Я придумала! Как только заживет все, придешь снова? Пожа-а-алуйста!

Вика улыбнулась. Лиза имела забавную привычку растягивать слова.

– Посмотрим. – Она огляделась.

– Так, ну давай мерять. Пока вода закипит, парочку успеем.

Лиза принялась порхать по ателье. Вика огляделась – здесь уютно. Милое кресло с желтой обивкой в цветочек. Две старых швейных машинки. На стены приколоты пожелтевшие листы с эскизами платьев. За Лизиной спиной – рулоны тканей. Пока Вика глазела по сторонам, Лиза успела принести три платья.

– Вот, померяй эти. Размер, вроде бы, твой.

Она повесила платья на крючки в примерочной, а сама, пританцовывая, отправилась заваривать чай. Вика скрылась маленькой кабинке. Она быстро разделась, сгорая от нетерпения облачиться в почти сказочные наряды.

– Если нужна помощь, сразу зови! Там молнии сзади, я застегну!

– Хорошо!

Вика решила начать с длинного платья нежно-желтого цвета. Но едва надела его, сразу поняла, насколько ей не идет этот цвет.

– Ну, как? – Любопытная Лиза сунула нос в примерочную. Ее миловидное личико тут же скривилось. – Ой, нет! Снимай немедленно, это не твой цвет.

Вика взяла второе платье. Темно-красное, практически бордовое, с разрезом невероятной длины и открытой спиной. Потребовалась немалая сноровка, чтобы его надеть. Но и тут ее ждало разочарование. Платье было слишком длинным и широким в груди. Вика вышла из примерочной. Лиза бросила беглый взгляд и тут же покачала головой:

– Снимай!

Вика вернулась обратно. Третьим было платье насыщенного зеленого цвета с плотным лифом и струящейся юбкой. Вика быстро переделалась. Платье село, как влитое. Вика крутилась перед зеркалом, рассматривая себя со всех сторон.

– Ну что ты там? – Лиза снова заглянула в примерочную.

– Вот! – Вика развела руки в стороны. – Ну как?

Лиза закусила губу.

– Выйди-ка сюда. Мне нужно посмотреть.

Вика вышла из примерочной. Лиза задумчиво хмурилась и постукивала пальцем по губам:

– Вроде бы и круто, но... Что-то не то.

Вика погладила нежную ткань юбки:

– А по-моему, очень красиво.

– Красиво, но не то! Должно быть так, чтобы дыхание перехватывало. Смотришь в зеркало и влюбляешься в саму себя. У тебя такое есть?

Вика скептически подняла брови. Влюбиться в саму себя? Из-за платья?

– Вижу, что нет. Потому что платье неправильное. Не твое. О-о-о... – Лиза смешно распахнула глаза, став похожей на маленького взъерошенного совенка. – Есть одно! И как я сразу про него не вспомнила! Оно из летней коллекции, поэтому мы их все на время убрали. Но оно точно подойдет! Раздевайся и жди!

Лиза упорхнула в недра ателье, скрывшись за неприметной дверцей, а Вика вернулась в примерочную. И что ей не понравилось? Сидело платье хорошо. И шло ей очень. Но куда она в таком пойдет? Не на корпоратив же в школу?! Зря она согласилась на примерку. Красивое платье хотелось очень, но идти в нем было некуда. Только зря время тратит.

Как ураган в тесное пространство ворвалась Лиза. Она дергала шторку, запутавшись в ней, и едва не сорвала ее:

– Вот оно! Будешь настоящей Снежной королевой! Ну, ты чего не разделась?

Вика расстегнула «молнию» и неуверенно пробормотала:

– Я, наверное, пойду...

– Пойдешь обязательно! Только сначала примерь его. Оно шикарное, но никому почему-то не подходит. А тебе должно подойти, я уверена!

Вику бесчисленное количество раз умоляли не ставить двойки, позволить переписать, заново рассказать стихотворение и много чего еще. В ход что только не шло: слезы, лесть, подхалимаж. Но у Лизы, наверное, был дар убеждения. Или Вике просто до безумия хотелось примерить платье. Она тяжело вздохнула:

– Ладно, давай. Но это последнее.

– Договорились! Меряешь, и идем пить чай! О, ну давай же скорее! Ужас, как хочется тебя в нем увидеть!!

Стараясь скорее покончить с этой глупой затеей, Вика быстро сняла зеленое платье и взяла белое. Шелковый лиф отливал снежной голубизной. Он был свободным, держался на тоненьких бретельках и не предполагал никакого белья. Слишком смело... А Вика уже давно превратилась в неготовую рисковать трусиху. Юбка у платья была пышной, но не громоздкой, из нескольких слоев какой-то полупрозрачной сетчатой ткани. Выглядело... экстравагантно...

Вика надела платье, поправила волосы и взглянула в зеркало. На какое-то мгновение она перестала дышать. Даже без макияжа и с жуткими синяками на лице она была... красивой. Вика рассматривала себя со всех сторон и не могла найти ни одного недостатка. Нежно, волшебно, элегантно и таинственно.

– Ну как ты? Готова? – Лиза снова бесцеремонно заглянула в примерочную.

Когда она увидела Вику, то смешно приоткрыла рот. Если Лиза играла, то Вика могла лишь аплодировать ее таланту.

– Вау!.. Мама была права – платье нужно было дожидаться своего часа. И «своего человека». Выйди, я хочу посмотреть при нормальном свете.

Вика послушно выбралась из примерочной.

– Ну как? Слишком открыто, по-моему...

– Ой, ну ты же не в монастырь собралась, в самом деле! К тому же, его легко снять, если что... – Лиза подмигнула и хихикнула.

Вика снова осмотрела себя в зеркале. Она не была уверена в том, что Рома захочет с нее снять это платье. Но разве обязательно покупать его для Ромы? Можно ведь найти и другой повод. Глаза внезапно защемило от слез. В ее унылой скучной жизни совсем не осталось никаких поводов. Некуда идти в таком красивом платье. Лиза встала рядышком:

– Ты как ледяная принцесса. Парням захочется растопить такую...

Вика сжала зубы:

– Я замужем.

Лиза пожала угловатыми плечиками:

– Разве это должно мешать женщине нравиться другим мужчинам?

И правда... Может, Рома возьмет ее на корпоратив, который ежегодно устраивает его фирма? Конечно, она не сотрудник, но хоть раз можно же сделать исключение? Вика поправила воздушную юбку:

– А сколько стоит?

Лиза несколько раз удивленно моргнула, как будто не сразу поняла, о чем Вика ее спрашивала:

– Ой! Да! Сейчас скажу! – Она зашла за Лизину спину в поисках ценника. – На него еще скидка, кстати. Мы же его на лето шили... Где-то здесь был...

Вика давно не чувствовала себя такой счастливой. В душе причудливо сплетались предвкушение чего-то необычного и уверенность в собственной привлекательности. Пусть и приходилось по-прежнему прятать лицо за шарфом.

Она осторожно ступала по скользким дорожкам и крепко прижимала к себе скрытое под чехлом платье. Она все-таки не удержалась и купила его. Позволила себе поддаться слабости. После примерки они с Лизой сели пить чай и долго болтали о разных пустяках. Лиза рассказывала о том, как они с матерью решили открыть ателье, что шитьем занималась еще их бабушка, и что одежда способна изменить жизнь своего хозяина. Под конец их разговора, Вика уже почти верила, что как только Рома увидит ее в этом платье, то все в их семье обязательно наладится. Он поймет, насколько она красива, поймет, как был неправ, когда не обращал на нее внимание, и... Вика поняла, что обманывает саму себя. Вряд ли одно-единственное платье способно вернуть в их семью былую любовь. Но Вика обязательно попытается. Она поборется за их отношения. Пойдет до конца!

На улице стремительно темнело. Оказывается, она провела в ателье почти весь день. Вика старалась скорее добраться до дома. Опять она поперлась пешком! Воспоминания о нападении подгоняли ее. Оскальзываясь на обледенелых бугорках, Вика почти бежала. Начали зажигаться фонари, мимо проносились машины, ослепляя ярким светом. И Вика вдруг поняла, что

ищет взглядом хищный темно-серый автомобиль. Все же зря она накричала на Пашу. Нужно было поблагодарить, а она выставила... Но и он успел наговорить ей обидных слов. Ладно, нет смысла мучиться из-за этого. Больше они никогда не увидятся.

Наконец Вика добралась до дома. Он тонул в густой темноте. Почему-то открытая калитка надсадно поскрипывала под резкими порывами ветра. Все вокруг выглядело как-то мрачно и уныло. Вика ощутила себя героиней фильма ужасов. От дома, забора, от каждого дерева веяло безысходностью. Как будто даже природа сговорилась против нее, намекая: как бы она ни старалась, ничего не получится. Вика быстро вошла в подъезд. Лампочки опять не горели ни на одном из этажей. Пришлось пробираться почти вслепую. Послышалось странное эхо. То ли завывание, то ли чей-то плач. А может, просто ветер задувал в найденные щели.

Кое-как дойдя до квартиры, Вика быстро отперла дверь и юркнула внутрь. Страшно было до ужаса. Такое впечатление, за ней все время кто-то следил и шел по пятам. Еще вой этот жуткий. Послышалось? Собака, наверное.

Вика включила свет в прихожей и отдышалась. Это все из-за случившегося в переулке. Ничему ее тот случай не научил. Ходит ночью одна по всему городу. Теперь и мерещится всякая чепуха. Нужно быть осторожней. Второй раз Павел вряд ли придет ей на помощь. Ну вот, снова она думает о нем! Да что ж такое?! Стараясь заглушить воспоминания о Туманском, Вика начала тихонько нашептывать себе под нос любимые стихи. Это ей всегда помогало отбросить ненужные мысли и отвлечься. Сработало и сейчас. Продолжая повторять давно заученные строчки, Вика разделась, прияла душ, намазала синяки и отправилась спать. Ей снова снился интернат, какой-то праздник в нем. Смех, танцы. И она сама... В новом платье. Но Вика не участвовала во всеобщем веселье. Она бродила по многочисленным классным комнатам, как будто что-то ища. Двери сменяли друг друга, шум праздника становился тише. А Вика продолжала переходить из одного пыльного помещения в другое, пока не поняла, что за ней кто-то следит. Он шел за ней по пятам, но все время оставался в тени. Она видела лишь темный высокий силуэт и больше ничего. Он преследовал ее, но страха Вика не ощущала. Только... предчувствие. Горячее, разливающееся лавой по венам так, что кожа покрывалась испариной томления. Она хотела увидеть его лицо, но могла разглядеть лишь мерцающие в темноте зеленые глаза. А ещё его ладонь почему-то обвивал цепкий плющ.

Вика взглянула на часы. Успеваешь! Ей осталось проверить еще три тетради, и можно бежать на встречу с Леной. Очень не хотелось брать работу на дом, поэтому она старалась успеть все в школе. Когда последняя на сегодня оценка была поставлена, Вика вздохнула с облегчением и поспешила спрятать стопку тетрадей в шкаф. Неожиданно дверь распахнулась, и в кабинет заглянула Наташа – секретарь.

– Ой, Викуль, ты еще не ушла?! Как хорошо! Зайди к Надежде Викторовне.

В животе сжался неприятный тугой узел. Ну что еще?!

– А что случилось?

– Не знаю, Вик. Просто попросила тебя позвать.

– Ладно, сейчас иду.

Наташа исчезла, а Вика сделала несколько глубоких вдохов. С директором, Надеждой Викторовной, она без лишней нужды старалась не сталкиваться. Разгладив складки на юбке, Вика поправила очки и отправилась на первый этаж.

Уверенно постучав, Вика вошла. Надежда Викторовна сидела за огромным столом, призыванном, видимо, внушить всем сотрудникам трепет.

– Звали, Надежда Викторовна?

– Да, Викуль, заходи!

Вика прекрасно знала этот тон. И «Викусь» ей тоже было прекрасно знакомо. Так директриса называла ее всегда, когда хотела нагрузить дополнительной работой, которую должен был выполнить кто-то другой.

– Садись-садись. У меня к тебе разговор.

Вика осторожно опустилась на краешек стула, готовая держать оборону до конца. Ни за кого она работать не будет. И в глупых конкурсах участвовать тоже. И готовить детей в последний момент к олимпиаде не собирается!

– У меня к тебе маленькая просьба.

Ну, конечно! Иного и быть не могло. Не премию же ей решили выписать за добросовестный труд.

– Настенька своих на экскурсию везет. Куда же... Где-то у меня было... А, вот! Поместье Юрьевых. Там сейчас какая-то масштабная реконструкция. В последний момент все решилось. В общем, Настеньке нужен еще один сопровождающий.

– Нет. – Вика упрямо сжала губы и выставила вперед подбородок.

Надежда Викторовна на несколько секунд замолчала. Ее лицо смешно вытянулось.

– Ты же знаешь, без сопровождающих ехать нельзя.

– Можно взять родителей. Мы всегда берем родителей.

Вика не собиралась ехать ни на какие экскурсии. А тем более, в поместье Юрьевых. Надежда Викторовна фыркнула:

– Ой, я тебя умоляю! Родители не в состоянии с одним справиться, а их там четырнадцать будет. Да и Настеньке тяжело с ними.

Вика прикусила язык. Нечего было тогда затевать экскурсию, если тяжело.

– А тебя они слушают. Я же знаю. Вон на замены когда ты приходишь, на уроке тишина гробовая, никто и не пикнет. Они больше ни с кем себя так не ведут. Все учителя стонут. Тяжелый класс... – Надежда Викторовна тяжело вздохнула.

Но и этот притворный вздох Вика успела хорошо узнать. Она сочувствовала Насе, которой достался абсолютно неуправляемый класс. Но и тратить на них свои силы не хотела. «Спасибо» никто не скажет. Только врагов наживет.

– Значит так, Вика. Послезавтра будь готова.

Вика упорно стояла на своем:

– Я не поеду, Надежда Викторовна.

– Вика, я ничего не желаю слышать. Никаких отговорок! У тебя в среду только первая смена, как раз успеваешь.

– У меня планы. – Вика уже с трудом сдерживалась. Ей хотелось одновременно и плакать, и кричать.

– Какие у тебя могут быть планы?! Вика! У всех остальных две смены. Можно было послать Лизу, но у нее маленький ребенок. Да еще и болеет. А у тебя нет.

Она прекрасно знала, что у нее нет ребенка. Помнила об этом каждую минуту.

– Если у меня нет ребенка... Это не значит, что нет других дел.

– В среду будь готова. В одиннадцать выезд. Но ты подойди и уточни у Насти. Все, можешь идти, а то поздно уже.

Вика ошарашенно смотрела на директрису. Ладони сами собой сжались в кулаки.

– Но я же сказала, что не могу...

– Вика, ты едешь, и все. Это входит в твои обязанности. Хватит со мной спорить. Ступай лучше домой. Ночь уже.

Вика встала. Колени дрожали. Самым обидным было то, что она не осмелится перечить. Портить отношения с директрисой – глупо. Но и позволять собой помыкать... Вика развернулась и направилась к дверям.

– До свидания, Надежда Викторовна.

– До свидания, Викась.

Вика вышла в приемную, в которой уже было пусто. Как же она устала! А что если просто проигнорировать? Не поехать. Но и подвести Настю нельзя. Почему она не ушла раньше?.. Как будто это что-то изменило бы! Ей бы позвонили. Или вызвали завтра... Черт! Она же опоздает на встречу с Леной!

Забыв и о директрисе, и об экскурсии, Вика бегом бросилась в свой кабинет. Часы на стене равнодушно отмеряли время. У нее есть двадцать минут. Если поторопится, то успеет.

Давно она не собиралась так быстро. Наверное и пары минут не прошло, а Вика уже со всех ног спешила на встречу. Несколько раз она чуть не упала и умудрилась подвернуть ногу, но в назначенное время стояла перед кафе. Сквозь окна лился ласковый теплый свет. Вика поднялась по ступенькам. Они были выложены крошечной мозаикой. Так необычно... Почему-то начали дрожать руки. Вика предвкушала как войдет в необычное кафе, а потом сможет всем хвастаться, что бывала в "Бисере".

Несмело она открыла дверь и вошла. Внутри было... сказочно. Единственное слово, которое приходило на ум. Повсюду легкие струящиеся ткани, абажуры и свисающие с потолка блестящие ниточки. На них был нанизан бисер всевозможных цветов и форм. Приглушенный золотистый свет скользил по их стеклянным бокам. При каждом порыве воздуха "нити" колыхались в разные стороны. От этого по стенам, украшенным резными деревянными панелями, бегали разноцветные блики. Вика поняла, что несколько секунд просто глазеет по сторонам и даже не дышит. Из холодной заснеженной России она перенеслась на чудесный Восток. И пахло здесь по-восточному волшебю. По крайней мере, Вике казалось, что там, в далеких экзотических странах должно пахнуть именно так: цитрусами, кофе и корицей. К ней тут же подскочил услужливый работник и помог снять пальто.

– Что я могу вам предложить?

Вика немного растерялась от неожиданности. Она ведь понятия не имеет, как выглядит Лена. Может, позвонить ей? Вика обернулась к молодому человеку:

– Меня должны ждать...

– Да, меня предупредили! – Его улыбка сияла не хуже солнца. – Вы – Виктория?

Вика облегченно выдохнула.

– Да...

– Идемте за мной. Уединенный столик у окна. – Еще одна улыбка, способная растопить все льды на свете.

Вика послушно шла за официантом, рассматривая убранство «Бисера». Просторные кресла в цветастых обивках, изящная посуда. Приглушенная музыка – напевные восточные мотивы. Свечи в пузатых стаканах. Все заботы моментально отступили на задний план. Чудесным образом Вика оказалась не в заснеженном городе, а в восточной сказке. И уходить отсюда ей совершенно не хотелось. Услужливый официант подвел ее к мягким диванам в укромном уголке. Они явно были рассчитаны на большую компанию, решившую уединиться. Но за красивым столом с искусной резьбой сидела лишь одна женщина. Видимо, это и была Лена. Красивая. Лет сорок, может немного меньше. Длинные светлые волосы свободно рассыпались по плечам. На лице – умелый макияж. Но вокруг глаз – морщинки. Не от смеха. От усталости. Той самой, которая теперь являлась постоянной спутницей Вики. Тонкие черты лица были смутно знакомы, но Вика никак не могла понять, где она ее видела. Рома не рассказывал о коллегах и практически не общался ни с кем с работы.

Лена смотрела в окно, но заметив, что больше не одна, повернулась и несколько растерянно улыбнулась:

– Виктория?

Вика кивнула.

– Да. А вы, наверное, Лена?

Лена радостно кивнула:

– Да. Очень приятно познакомиться лично.

Вика опустила на стул.

– И мне. Извините, что задержалась. На работе... случилось кое-что.

– Не извиняйтесь, вы что?! Совершенно никакой задержки.

Лена нахмурилась, задумчиво глядя на Вику:

– А мы с вами нигде раньше не встречались?

Вика улыбнулась:

– Нет. Но вы кажетесь мне знакомой.

– Да! И вы мне тоже! Мы точно где-то виделись, но не могу вспомнить где...

Она неожиданно замолчала, а затем вдруг широко распахнула глаза.

– О, Боже! Вика! Вика Штормова! Шторм, неужели ты?!

Так ее не называли со времен интерната. Но...

– Неужели не помнишь? Ну, а так? – Лена собрала волосы в хвост и смешно похлопала ресницами.

– Ну?!

Словно старые фотографии перед глазами замелькали кадры. Вот учителя заставляют красивую высокую девушку собрать волосы в хвост, вот отправляют ее смывать косметику, а вот они вдвоем среди ночи пробираются в учительскую, потому что проиграли спор. Вика несколько раз моргнула, не веря своим глазам:

– Лена-модница?

Лена громко рассмеялась, переполошив половину посетителей.

– Я! – Она соскочила с диванчика и бросилась обнимать Вику.

Вика утонула в сладком аромате духов и неожиданно крепких объятиях. Она не могла понять, что чувствует. Как будто прошлое ожило и вернулось, чтобы навсегда изменить Викину жизнь.

– Ох, не верится! Ты стала совсем... Я тебя еле узнала!

Вика поправила съехавшие очки и попыталась улыбнуться:

– Ты тоже. Но все так же красива.

– Ой, скажешь тоже! Ты так молодо выглядишь. Скажи, в чем секрет?

Вика хмыкнула. Секрет! Она чувствовала себя высохшей старухой. Да и выглядела немногим лучше. Благодаря мази синяки пожелтели, и получилось замазать их тональным кремом.

– Секрет в трех слоях «тональника».

– Как была юмористкой, так и осталась! – Лена рассмеялась. – Наша штормовая девочка. Как же мы умудрились потерять связь?

Лена во все глаза рассматривала ее. Вика была уверена, что от ее цепкого взгляда не укрылась ни опухшая щека, ни старенькая блузка, ни поношенные сапоги. Лена изучала ее с головы до ног, словно рентген. Вике стало неуютно. Да, ей нечего было стыдиться. Она не добилась того же недостатка, но профессия у нее хорошая и важная, а всем известно, как сейчас платят в школе, если ты рядовой учитель. К тому же, купить квартиру сейчас не просто, приходится во многом себе отказывать. Вика упрямо вздернула подбородок. В конце концов, может, она и не богата, но тоже человек.

Вика никак не могла разобраться в своих ощущениях. Она была рада вновь увидеть Лену, коснуться частички своего прошлого. Вновь почувствовать себя молодой, свободной, способной на самые сумасшедшие безрассудства. И в то же время... В душе зрело странное предчувствие. Что-то смутное, словно легкое волнение перед надвигающейся бурей.

– Ты улетела за границу. Кристина перебралась в Питер, а потом в Москву, вроде бы вышла замуж. Света перестала выходить на связь. Мы долго общались после интерната.

Несколько лет, наверное. А потом я вышла замуж, и Света пропала. Переехала, перестала отвечать на звонки. До сих пор не знаю, что с ней.

– О! – Лена была заметно удивлена. – А я и не знала... Так грустно, что мы перестали дружить. У меня со времен интерната не было таких подруг. По правде, у меня их вообще не было. – Лена скривилась.

Вика повернулась к окну. Снег таинственно блестел, отражая свет десятков фонарей. Как будто кто-то по неосторожности рассыпал алмазную пыль.

– У меня тоже... Да уже, наверное и не будет...

Подошел официант, и на несколько минут воцарилась тишина. Вика с сомнением смотрела на незнакомые названия экзотических блюд и на цифры напротив. Пожалуй, она ограничится чашечкой кофе. А еще лучше стаканом воды! Есть надежда, что она здесь бесплатная?

Лена уже бойко диктовала заказ, перечислив, кажется, половину меню. Внезапно она замолчала. Вика оторвалась от изучения меню и посмотрела на Лену. Та не отводила от нее пристального взгляда, а затем резко бросила официанту.

– Подойдите к нам минут через пятнадцать. Мы еще не готовы сделать заказ.

Сохраняя непроницаемое выражение лица официант ушел. Лена поджала губы.

– Вик, ты прости, может, я лезу не в свое дело, но... Давай начистоту. Выкладывай, что происходит.

Напряжение тут же сковало все мышцы. Вика вдруг почувствовала себя голой. Не физически – морально. Ее душа была обнажена перед десятками незнакомых людей, и каждый мог видеть ее тайны, желания, страхи. Лена тоже была незнакомкой. Абсолютно чужим человеком. После интерната прошло почти семнадцать лет. Целая жизнь. Никому никогда не было дела до нее. Вика к этому привыкла. Но сейчас она не позволит лезть к ней душу. Зачем? Чтобы осудить? Или пожалеть? Не желая обидеть Лену, она осторожно начала:

– Ты хотела меня о чем-то попросить. Я пришла и готова помочь.

Лена нахмурилась. Было непохоже, что она решила сдаться и отступить от своих распросов:

– Слушай, я ведь только сейчас поняла: ты – жена Романа.

Вика удивилась. Какое это имеет отношение к ним?

– Да. А что?

– Ты меня прости, теперь я точно уверена, что лезу, куда не надо... Но я ожидала увидеть богатую самовлюбленную стерву.

Вика невесело ухмыльнулась:

– Ты разочарована?

– Ну, допустим, что самовлюбленной ты не была никогда. Чутьочка стервозности в тебе точно есть. Мне ли не знать? – Она хмыкнула. – Но вот почему ты так выглядишь..?

Вика ненавидела подобные намеки. Не все, черт возьми, ворочают миллионами.

– Что со мной не так?

– Да все! Ты обожала красивую одежду! А прически? Я не знаю, как не осталась лысой после всех наших экспериментов с волосами. И эти странные следы на щеке... Роман что, бьет тебя?

– Боже, нет! – Вика тяжело вздохнула. Ложь заученным текстом сорвалась с губ. – В пятницу меня попытались ограбить. Ну и избили.

– Охренеть! Вот же му*ак! Кто это был? Ты подала заявление в полицию? Его уже нашли? Или хотя бы ищут?

– Понятия не имею. Его машина спугнула. Мимо проезжала.

– Господи... И все у тебя приключения какие-то. Ну а что с одеждой? Я понимаю, ты учительница. Но не до такой же степени!

– У меня нормальная одежда, Лен. – Вика начинала терять терпение.

– Нормальной она была лет десять назад. Что за идейная бедность?!

– Мы с Ромой копим на квартиру. Приходится кое в чем себе отказывать. – Вика отвела взгляд и снова посмотрела в окно. Эта встреча начинала ее тяготить. Потому что слишком многое вытаскивала наружу. То, что раньше было скрыто. В том числе и от самой Вики тоже.

– Кое в чем... – Лена постучала ногтями по столу. – Кое в чем... Стой! А где вы сейчас живете?

– У Ромы. Ему от родителей квартира досталась. Однушка. Тесно очень. Хотим найти что-то просторнее. – Вика с трудом подавила нотки злости в голосе.

Купить квартиру сейчас было сложно. Даже в их городке. Но они с Ромой упорно идут к цели. Все у них обязательно получится. И с ребенком тоже.

– Вик, я чего-то не пойму... Я, конечно, в чужой карман не лезу, но учитывая Ромины заработки, вы давно должны были накопить квартиры на три! А то и больше. Это уже не говоря о машинах, отдыхах за границей и приличной одежде. Какая, на хрен, родительская однушка? А?!

От удивления Вика открыла рот.

– Он зарабатывает не так уж и много.

– Слушай, либо ты зажралась, что невозможно, потому что выглядишь так, словно сейчас в обморок свалишься, либо... Ну, я не знаю... Он работает с американцами. Один из «большого начальства». – Лена скривилась. Она явно не жаловала это самое начальство. – Как тебя вообще угораздило выйти замуж за него? Ты такая милая всегда была. И он... Ой, прости... Я не хочу тебя обидеть! Да еще и после стольких лет... Но...

Вика почувствовала, как в висках начинается дикая пульсация. Господи, как же больно! Словно кто-то на живую пытался просверлить в черепе дырки. С трудом разлепив губы, она спросила, стараясь скрыть горечь в голосе:

– Тебя удивляет, что Рома выбрал кого-то серого и невзрачного?

У Лены отвисла челюсть. Несколько секунд она смотрела на Вику, а потом покачала головой:

– Слушай, ты вроде идиоткой никогда не была. И себя ценила. Если меня не подводит память... Я Рому знаю сколько..? Лет пять точно. Так вот за эти годы он показал себя лишь с одной стороны: самодовольный хитрожопый мерзавец. Прости еще раз. Это мое мнение. Может, ты в нем разглядела что-то еще, но я увидела только эти качества. Вот и удивляюсь, как такая девушка могла клюнуть на кого-то подобного?!

Вика опешила. Она ожидала от Лены всего, чего угодно. Но не этого.

– Мы с Ромой десять лет женаты. Думаю, что знаю его лучше тебя.

Лена ни капли не смутилась:

– Не сомневаюсь. Но на мой взгляд он зарабатывает вполне достаточно, чтобы обеспечить тебя всем необходимым.

Вика все-таки не выдержала:

– Ты хочешь меня обидеть?

Лена стремительно поднялась со своего диванчика и села рядом с Викторой, обняв ее за плечи:

– Вик, я безумно рада тебя видеть! Ко мне как будто молодость вернулась. Сразу столько воспоминаний, планов... Мы мир можем вдвоем вверх ногами поставить! Ты помнишь, как мы мечтали? Придумывали себе жизни... Если бы я знала, что ты замужем за Ромой, то давно бы тебя нашла. Но все пять лет, что я с ним работаю, он упорно убеждал нас, что женат на монстре. И все верят. Но я знаю тебя! Какой из тебя может быть монстр?!

Вика не знала, что сказать. Может, Лена врёт? Или решила поиздеваться над ней? Она уже ничего не понимала. Снова подошел официант. Вика уже и забыла, что сидит в кафе,

переполненном людьми. Сейчас она ощущала себя один на один со всем остальным миром. Лена бросила на Вику тяжелый взгляд и повернулась к официанту:

– Вы записали то, что я заказывала в прошлый раз?

– Да, конечно.

– Все то же самое, но на двоих.

Официант кивнул и быстро удалился. Вика глухо пробормотала:

– Я не голодна.

– Это я уже поняла. – Лена скрестила руки на груди. – Вика, я... Не знаю, как сказать...

Прости, но я обескуражена. Честно.

Вике хотелось что-нибудь сломать. Она ощущала физическую необходимость в насилии. С ней давно уже такого не случалось. Неконтролируемый приступ гнева, черной ярости. Она не знала, на кого злится, но эмоции плескались через край. Ей стоило огромного труда подавить их.

– То, что ты сейчас говоришь... – Она в упор посмотрела на Лену. – Я не верю этому.

– Еще бы! Он ведь твой муж!

– Да, мой муж. И у нас все хорошо в семье.

– Вика... Я помню, сколько раз ты выручала меня в интернате. А я даже «спасибо» тебе не говорила. Ты почти всегда брала вину на себя. Покрывала всех нас, когда мы бегали на свидания. Давала списывать домашку...

– Я делала это не из доброты душевной. – Вика не смогла сдержать горькую ухмылку. – Мне казалось, что если учителя будут постоянно жаловаться на мое поведение, то родители заберут меня из интерната.

– О-о-о... Я не знала... Тем не менее, я рада, что они не забрали тебя. Это было самое счастливое время в моей жизни. Благодаря нашему маленькому братству. – Лена мечтательно прикрыла глаза. – Рома как-то случайно проболтался, что ты учительница. Я попросила его познакомить нас. А он ответил, что ты ненавидишь все, что связано с твоей работой. И работаешь лишь затем, чтобы досадить ему и упрекать в том, что он плохо тебя обеспечивает. И он сказал это в присутствии многих людей.

В голове все перемешалось. Вика пыталась зацепиться хотя бы за одну мысль, но они ускользали, оставляя пустоту. Как будто она стояла на краю обрыва за мгновение до прыжка. И вроде бы хочется жить. Но и бороться больше нет сил.

– Он не мог так сказать... Он знает, как сильно я люблю свою профессию...

Вика поняла, что не смогла сдержать слезу. Она вырвалась на свободу и быстро побежала по щеке. За ней устремилась следующая. Лена обняла ее за плечи.

– А знаешь что... Я ему завтра все выскажу! Прямо при начальстве.

Вика вытерла ладонью щеки. Нет-нет-нет, она не будет плакать. Больше не будет.

– Не надо ему ничего высказывать.

– Надо! Я посмотрю, что он придумает в этот раз. Прямо с утра устрою ему сюрприз.

Вика пыталась взять себя в руки. Она вдыхала ароматы кофе и корицы, заменяя ими вонь предательства. Неужели, Рома мог такое сказать о ней? Чем она заслужила подобные слова? Чем?!

– Вик, не молчи! Эй! Скажи что-нибудь! – Лена потрепала ее по плечу. – А давай ты завтра приедешь и устроишь ему разнос?!

Вика хмыкнула:

– Я завтра работаю. – Она все никак не могла поверить Лене. И все же глубоко внутри, в душе, откуда-то знала, что это правда.

– Тогда я сама!

Что-то в словах Лены царапнуло. Вика нахмурилась и по-детски шмыгнула носом:

– Не нужно ему ничего высказывать. Я сама разберусь. Да и к тому же... Он ведь в командировке.

– В какой еще командировке?! – Лена едва ли не подпрыгнула.

Вика нахмурилась. Ужасное подозрение сжало невидимым кулаком сердце:

– В Питере. Вчера с утра уехал...

Брови Лены медленно поползли вверх, застыв посередине лба двумя полумесяцами:

– Я не знаю, что он там тебе наговорил, но ни в какую командировку он не уезжал. Он вообще в них практически не ездит. Раза два в год, не больше – американцы сами к нам приезжают.

– Постой...

Вика пыталась осмыслить все сказанное. В голове никак не укладывалось. Лена что-то путает. Или врет. Господи, конечно! Не ожидала, что у такого мужчины, как Рома, может быть ничем непримечательная жена наподобие Вики. Она упрямо сжала челюсти.

– Лена, зачем ты мне это говоришь? Чего добиваешься?

– Ты о чем?! – Лена выглядела искренне удивленной.

– О том, что Рома не ездит в командировки. Зачем мне врешь?

– Вру?! Вик, я все понимаю, но... Это уже слишком! Сегодня Рома был на работе. Ушел, между прочим, раньше. У меня документы из-за него повисли. А если мне не веришь и считаешь, что я могу лгать, приходи завтра сама.

Вика в упор смотрела на Лену. Ты выглядела одновременно и возмущенной, и обиженной, и расстроенной. Неужели, это все правда? Но ведь... Да что же происходит?

– Никуда я завтра не пойду.

– Вот и зря! Приходи и убедишься сама. Последний раз он выезжал... Дай подумать... В марте. Да, точно. Между пиарщиками еще целая битва разыгралась, кто поедет вместе с ним.

Вика закрыла глаза и потеряла их. Пульсация в висках стала нестерпимой.

– Этого не может быть, Лена. Нет. Он ездит очень часто. Почти каждые два месяца.

– Викуль... Я не вру. И ты можешь в этом убедиться в любое время. Думаю, адрес ты знаешь.

Пальцы впились в мягкую диванную обивку. Если она сейчас же что-нибудь не сломает, то сердце просто остановится. Сквозь стиснутые зубы Вика снова выдавила:

– Никуда я не поеду.

– Ну хочешь я тебе фото пришлю?! Сфотографирую его и...

– Нет. – Вика нетерпеливо перебила Лену. – Мне нужно все обдумать.

– Да что тут обдумывать? Он тебя обманывает, а ты собралась думать?

– Лена, я разберусь. Поверь. Если ты меня не обманываешь, – на этих словах Лена закатила глаза, – если ты меня не обманываешь... Я придумаю, что делать.

– Что делать?! Набить ему морду и кастрировать.

Вика невесело улыбнулась. Это проще простого. Она знает, к кому обратиться. Мысль о Павле странным образом отрезвила и позволила собраться, взять себя в руки.

– О Роме мы поговорим потом. Расскажи, что у тебя приключилось?

Лена удивленно моргнула, как будто не понимала, о чем Вика ее спрашивает.

– И это все? Вся реакция? Роман обманывает тебя, шляется неизвестно где, а ты собираешься решать мои проблемы?

Вика старалась дышать ровно и глубоко. Руки и ноги словно окаменели от напряжения. Даже пальцы не гнулись. Сердце вроде бы и билось, исправно качая кровь, гнало ее по артериям. Но ей казалось, что внутри лишь выжженные головешки. Ее нутро медленно тлело. Органы превратились в черные угли. Они тяжелыми камнями оседали в животе и горле, вызывая тошноту. А вены вместо крови заполнил пепел. Она знала, чувствовала пресловутой жен-

ской интуицией, что Лена не обманывает. И что ей теперь остается? Делать то, что она умеет: решать проблемы других. В этом она разбирается прекрасно. Во всем, кроме своей жизни.

– Рассказывай, что произошло?

– Ох, ладно... Я уже и забыла, из-за чего позвонила. – Лена потерла лоб. – Все из головы вылетело.

Вика невольно улыбнулась. В этом вся Лена: импульсивная, взрывная и чуточку легкомысленная.

– Ты хотела что-то узнать про учебу сына, если я правильно поняла.

– Точно! Да! Сын. – Лена улыбнулась, а Вику кольнула зависть.

Чем она провинилась перед Богом? Почему судьба отобрала у нее родителей, а теперь пытается забрать мужа? Почему она наказана невозможностью иметь ребенка?! Что такого она натворила, что теперь приходится расплачиваться? Лена сунула Вике мобильный. С экрана на нее смотрел мальчишка лет тринадцати. На его шее висела медаль, а волосы были мокрыми и взъерошенными. Вика узнала его сразу же:

– Лотов Леша, восьмой «В».

По лицу. Лены расплылась довольная улыбка.

– Да-а-а. Он! Пловец! Не то чтобы мы возлагаем большие надежды на спорт, но у него получается. Почему бы и нет, верно?

Вика кивнула и через силу улыбнулась. Она бы тоже старалась дать ребенку лучшее. Превратить его жизнь в сказку. Но у нее нет ребенка. И, кажется, скоро не будет мужа. Как она умудрилась потерять все, что было так ценно и важно?

– Мы недавно переехали. Миша, мой муж, решил что ему надоело жить в квартире. Захотел дом. Мы, конечно, возили Лешу. Но бассейн в одном конце города, школа в другом. Ему, бедному и спать некогда. Ну и мы перевели его из частной. А Рома как-то проговорился, в какой школе ты работаешь. Я его пыталась уговорить познакомить нас. Но он в никакую! Дескать, ты не станешь помогать, тебе все равно. Ну и все такое. Пришлось заниматься шпионажем. – Лена хихикнула. – Как в старые добрые времена. Короче, не про это. Леша, в принципе, учится нормально. Все успевает. Я в уроки даже не лезу. Проверяю, конечно, по мере сил, но он все сам. А тут пошли «тройки» по русскому, «два» за изложение! За изложение, Вика! Да он их за пять минут пишет. Память, как у компьютера! А по литературе?! Да у него всегда «пять» было. Ну и я пошла к его классной, Анастасии Викторовне. Надо же узнать, в чем проблемы? Может, на него так переезд подействовал, смена школы, новые учителя, одноклассники. А она мне с порога: вам нужен репетитор. И намекает, что все наладится, если мы с ней заниматься будем. Нет, ты не подумай, что мне на ребенка жалко. Если бы были какие-то проблемы, я бы сама к ней обратилась. Но... она мне даже его контрольные тетради не показала! Ну и как тебе? Я просто хочу знать, что именно у него не получается. И в чем причина. Ну и... Не знаю, может, протестируешь его как-нибудь? Или с Анастасией Викторовной поговоришь? Пожалуйста, Вик... Не хочу его зря таскать к психологу. Он и так смену обстановки болезненно воспринимает. Как и неудаче в школе. Совсем замкнулся.

Мысли о Роме призраком маячили в голове. Но Вика изо всех сил пыталась прогнать из памяти его лицо. Спрятать глубже свои подозрения и страхи. Она никогда не обсуждала коллег с родителями учеников, но и не помочь Лене не могла. Если все так, как она говорит...

– Я попробую выяснить. Не знаю пока как... Кстати, он на экскурсию едет?

Лена замахала руками, став похожей на яркий вертолет.

– Да! Их в поместье везут, ты представляешь? В смысле, в наше! В интернат. – Лена светилась от счастья. Вика ее восторгов не разделяла. – Я бы и сама туда смоталась, но оно теперь в частной собственности у каких-то воротил. А так жалко... Лешка обязательно едет. Я ему уже всю подноготную рассказала. Будет там не хуже экскурсовода. – Она проказливо хихикнула и подмигнула Вике. – Даже объяснила, где нашу заветную стеночку искать.

- Я присмотрюсь к нему, как с одноклассниками общается, мало ли что.
- Ты тоже едешь?
- Да, я – сопровождающая.
- Ви-и-и-ка! Как же я рада, что мы встретились! У меня просто слов нет. А если ты еще мне с Лешкой поможешь... Но вот что с Ромой делать?..
- Вика попыталась вклиниться в Ленину речь:
- С Лешей я ничего обещать не могу. Постараюсь. А с Ромой сама разберусь.
- Вик, ты всегда можешь рассчитывать на меня. Всегда!

Уже ночью, лежа без сна в холодной неудобной постели, Вика размышляла над тем, какая неразбериха происходит в ее жизни. Нападение в подворотне, встреча с Леной, Ромин обман. Неужели, он и вправду врет ей?! Но как такое может быть? И зачем? Вика пыталась вспомнить, когда командировки участились. Да почти сразу же после свадьбы. Да, точно. Через пару месяцев. Его послали в Америку. Рома был жутко доволен. Он говорил, что все может сорваться, ходил, как на иголках, а когда все разрешилось, они устроили маленький праздник. Вике казалось, что она сама куда-то едет. На деле же, у нее даже не было загранпаспорта. Да разве это так важно?! Рома, возможно, обманывал ее с самого начала, а она переживает о загранпаспорте. Больная на всю голову. Что же делать?.. Вика ворочалась с бока на бок, пытаясь придумать, как поступить. Последовать совету Лены и явиться на работу? Спросить в лоб? Но что если он снова соврет? Как ей понять, где правда? А вдруг это все-таки Лена решила над ней так подшутить? Или... Господи... Еще немного, и она с ума сойдет. Мысли, как оголодавшие дикие звери, раздирали Викин мозг на части. Она металась по кровати, не находя себе места. Десять лет она выстраивала по кирпичикам семью, а теперь оказывается, что это никому не нужно! Вика отшвырнула одеяло и уселась в кровати, обняв подушку. Почему она верит Лене, а не собственному мужу? Внутренний голос, хриплый и свистящий, мерзко засмеялся: «Потому что ты чувствуешь, что все закончилось.» Вика уткнулась лбом в подушку. Потому что все закончилось уже давно. А может, ничего и не было?

Выбравшись из кровати, Вика надела очки и подошла к окну. Все те же деревья, сугробы и старый покосившийся забор. Знакомый унылый пейзаж. Каждое утро она видела эти длинные скрюченные ветки. Как скрюченные пальцы их демонов из преисподней, они тянулись к Вике в попытке схватить и утащить туда, откуда уже не выбраться. Она погрязла в страшной трясине. Погрузилась в Рому, не видя и не слыша ничего вокруг. Забыла, о чем всегда мечтала, о собственных стремлениях и планах. Забыла о самой себе. Вся жизнь сосредоточилась на нем одном. А он?.. Ему было плевать на ее раны, на ее боль. Кто она для человека, которого любила больше жизни? Домработница. Служанка. Тень. Она не нужна ему. Слезы покатались по щекам, обжигая. Рома казался ей идеалом мужчины. Совершенным. Кем-то нереальным, фантастическим, пришедшим из ее воображения. А что он сделал, чтобы она так считала? Подошел к ней в парке. Подарил несколько букетов, цветы из которых она, как дура, хранила месяцами. Несколько раз сводил в кафе. Он небрежно бросал, что она симпатичная. Даже не говорил, что красивая. Симпатичная... Вика прижалась лбом к холодному стеклу. Ради него она из кожи вон лезла. Пыталась стать идеальной женой. А теперь осталась одна. Ненужная, выкинута, как старая вещь. В душе еще теплилась надежда, что Лена ее за чем-то обманула. Но разум уже давно сложил все кусочки головоломки. Рома ее обманывает. И уже давно. Нужно только выяснить, зачем. Вика отерла слезы. Десять лет она думала только о Роме, заботилась только о нем. Пора подумать и о себе. Она любила человека, который требовал ужин, когда она едва могла пошевелиться! Дура! Вика поняла, что задыхается. Она глотала ртом воздух, сердце обессиленно трепыхалось в груди. А если она окажется не права в своих подозрениях? Вика сжала кулаки. Нужно все хорошо обдумать. Роме удавалось обманывать ее десять лет.

И она ничего не замечала, слепо живя в своем тесном мирке, сосредоточенном только вокруг него. Она не видела лжи, потому что не хотела видеть, поглощенная попытками стать идеальной женой. И она такой стала. Совершенная домработница. Практически машина для стирки, уборки и кухни. Рома привык к тому, что она безропотно прислуживала ему, наплевав на саму себя. Для него она – немая жена, готовая в любой момент выполнить любую прихоть. Не зря он так взбесился из-за чертовой яичницы. А значит, она должна продолжить играть роль покорной супруги, пока все не разузнает.

Вика вспомнила безумства, которые они с девчонками устраивали в интернате. Она придумывала, какую очередную глупость им провернуть, а затем, все вместе, они претворяли ее планы в жизнь. Вот и теперь ей просто нужно решить, как лучше всего выяснить, что скрывает Рома. До чего она докатилась...

Странное движение за окном привлекло внимание, заставив на минуту забыть обо всех неприятностях. Вика всмотрелась в массивные очертания стволов безобразных голых деревьев. Ей кажется, или там действительно кто-то стоит? Она близоруко шурилась, но даже очки не помогли рассмотреть, что прячется в темноте. Кажется, за деревом кто-то был. Она была почти уверена, что видит очертания рук. Тело прошиб озноб. Вика медленно сделала шаг назад, а потом еще один. Странное ощущение сковывало мышцы. Кто и зачем там скрывается? Вика прижалась к стене, спрятавшись от возможного наблюдателя, и осторожно выглянула. Улица оставалась пустой. Ветки нелепо качались из стороны в сторону под порывами ветра. Она точно свихнулась! На дворе ночь, а она решила поиграть в шпионов. Да кому надо болтаться на улице по такому морозу?

Напряжение начало потихоньку отпускать, даже дышать стало легче. Стоит тут, как идиотка, и пялится в окно. Спала бы лучше. Вика уже собралась лечь, но бросила последний взгляд на грозное дерево и окаменела. От ствола отделилась серая тень. Свет фонаря осветил мужской силуэт. На лбу выступил холодный пот. Человек задрал голову и посмотрел вверх. Вика вжалась в стену. Она была уверена, что он не может ее видеть, но ощущение было такое, что ее насквозь пронизывает чужой взгляд. Вика закусила губу. Она силилась разглядеть его лицо, но мешала тень от широкого капюшона. Мужчина не двигался, застыв статуей. Вика перестала дышать. Неожиданно он опустил голову, сунул руки в карманы и, ссутулившись, побрел прочь. Вика заставила себе отлепиться от стены и бросилась к окну. Человек быстро шагал по снегу, стремительно удаляясь. Спустя несколько секунд он исчез из вида, оставив лишь сомнения в его существовании. Вика задумчиво отошла от окна. Ей не показалось. Ведь не показалось же?! Господи, лишь бы не сойти с ума. Она юркнула в кровать и с головой укуталась в одеяло. Она была уверена, что человек реален. А еще откуда-то знала, что он смотрел именно на ее окна. Сжавшись в комок, Вика зажмурилась. И почему-то ей казалось, что намерения у незнакомца были отнюдь не добрые.

Глава IV. Такие разные планы

Ты смотришь мне в глаза, страшишь, дитя, их взгляда:

То взгляд змеи, в нем смерть невинности твоей.

(с) Адам Мицкевич

– Постройтесь парами, я же сказала!

Вика закатила глаза. Уже минут десять Настя безуспешно пыталась выстроить в одну колонну четырнадцать человек. Она все время повторяла пресловутое «Постройтесь парами», стоя почти в нескольких метрах от детей, и почему-то считала, что это как-то на них подействует. Вика вздохнула. Легко не будет. Она и не надеялась на отдых, когда несла ответственность за жизни детей, но и выполнять Настину работу тоже не собиралась. У нее просто не

осталось сил. Вообще никаких. Две бессонных ночи, заполненные странными кошмарами, вымотали ее окончательно. Весь вторник она никак не могла сосредоточиться на уроках и умудрилась перепутать темы в шестом и восьмом классах. Все ее мысли были только о Роме и его предательстве. Вика тут же себя одернула: это лишь догадки. Правда, вчера Лена все-таки прислала ей фотографию Ромы. Вика убеждала себя, что фото может быть какой угодно давности, но... Ей ведь ничего не мешало приехать в офис и убедиться, что Лена не врет. Но после работы Вика заставила себя вернуться домой. Она будет полнейшей дурой, если зайвится к Роме. Унизит саму себя, а правды так и не дождет. Если он обманывал ее все эти годы, то нужно действовать тонко. Подумать хоть раз о себе, а не о нем.

– Если вы сейчас же не постройтесь, то мы никуда не поедем! – В голосе Насти послышались истеричные нотки.

– Ура! Мы никуда не едем! Можно уже свалить отсюда? – Девушка с розовыми волосами лопнула пузырь от жвачки.

Вика вспомнила, где находится. Затолкав мысли о Роме на задворки сознания, она подошла к разношерстной компании подростков.

– Значит так, ты и ты, встали в первую пару. Живо! – Вика махнула головой в сторону дверей.

Под ее взглядом маленькая группка тут же сообразила как строиться, и через минуту все стояли друг за другом.

– Вот и молодцы! – Настя встала первой и поправила короткую шубку. – Ну что, идем? Вика мрачно смотрела ей в спину. Экскурсия легкой не будет.

– Школьники приехали, Павел Андреевич. – Кира Николаевна, крыса, подосланная отцом, без стука заглянула в каморку.

Почти год спала с моим уродом-папашей и уже начала примерять на себя нашу фамилию. Самоуверенная зарвавшаяся сука. Подозреваю, что она до сих пор не может смириться с мыслью, что оказалась расходным материалом. Таким же, как и десяток до нее. Уж не знаю, чем она так проняла отца, но от нее он избавляться не спешил. Вместо увольнения вручил мне, как долбанное переходящее знамя. Пока что вышвырнуть ее не получалось. Отец по какой-то причине держался за нее. Но это лишь вопрос времени.

– Вы встретите их?

– Мое присутствие там необязательно.

– Но я договорилась с телевизионщиками. Они скоро подъедут. Имиджу компании сыграет на пользу ваше появление. И, я уверена, это поможет уладить проблемы с администрацией.

– Проблемы с администрацией должны улаживать вы, а не я. Свободны, Кира Николаевна.

Она смерила меня презрительным взглядом. Вот же тварь! Я почти уверен, что она докладывает отцу о каждом моем шаге. Ладно, с этим можно будет разобраться позже. Я снова уставился в документы, но... Ничего не увидел. Который день я ни черта не соображаю. Перед глазами только Вика. Поправляю сам себя: для тебя, идиот, Виктория Сергеевна. Необходимость видеть ее жжет меня изнутри. Это адски больно. Со мной еще никогда такого не было. Полный раздрай. Переживаю из-за ее травм. Понимаю, что есть кому о ней позаботиться. Но даже мысль о том, что вместо меня за Викторией будет ухаживать муж, выворачивает наизнанку. В который раз повторяю: Виктория Сергеевна. Мне можно называть ее только так. Это все, на что я имею право. Не хочу думать, что кто-то другой, не я, может находиться с ней рядом. Что кто-то другой имеет ее каждую ночь и каждый день. Что она думает о ком-то другом. Хочет другого. Не меня. А ведь она, скорее всего, даже не подозревает, что творит со мной. Ей стоит

только сказать, и я сделаю все. Меня бы устроила даже роль любовника. В конце концов, я бы постарался сделать все, чтобы после меня она и посмотреть не могла на мужа. Я чуть не рассмеялся от этой мысли. Да она меня и близко к себе не подпустит. Воротила свой учительский нос, когда я предлагал помощь. А предложи я такое, наверняка всадила бы в меня указку. Десять лет я пытался выкинуть ее из головы. Все, чего добился: она перестала мне мерещиться в каждой встреченной женщине. Надо же ей было появиться снова!

В кабинет ворвался Иван. Выглядел он странно. Я уже приготовился к известию об очередных проблемах, но Ванька удивил:

– Слушай, какие училки к нам приехали! Это нужно видеть! Я б обеим вдул. – Он, как придурок, хохотнул.

При слове «училки» в мозгу что-то щелкнуло. Кровь быстрее побежала по венам. По ходу, у меня теперь рефлекс на определенную профессию. А что если и ОНА здесь? Вряд ли. Но... Я встал из-за стола.

– Ну, пойдем посмотрим, кто тебя так впечатлил.

– Там одна вообще классная. Молоденькая сучка. – Снова смешок, который уже начал раздражать. – Вторая постарше. Мегера еще та. Натуральная стервоза. Но горячая, черт!

Я не особо вслушивался в Ванин треп. Чтобы ему понравиться, достаточно иметь руки, ноги и сиськи. Все, кто ему отказывал автоматически считались «стервозами». Так что, под таким описанием мог скрываться, кто угодно. Я повернулся к Ване:

– А из какой они школы?

Ваня пожал плечами:

– Могу узнать у Киры Николаевны, если нужно.

– Нет. Не нужно.

Направились к другому крылу. Почему-то эта идиотская экскурсия совершенно вылетела из головы. Какова вероятность, что «моя дорогая» Виктория Сергеевна будет здесь? Если бы не присутствие Вани, я бы посмеялся. Над самим собой. Дико хотелось всадить кулак в стену. Кажется, я уже просто не способен думать о привычных вещах. Какого хрена она оказалась в том переулке?

Мы подошли к просторному залу. Даже на мой взгляд он немного мрачноват. Под слоями штукатурки рабочие обнаружили старые фрески, которые чудом сохранились. Не знаю почему, но я решил их восстановить. Что-то в них было... Ладно, самому себе признаться можно. Для меня они были связью с Викой... Викторией Сергеевной. Я до сих пор помню уроки литературы, которые она вела. То, как она рассказывала... Я даже записался на ее кружок. Таскался, как идиот, лишь бы посидеть еще час напротив нее. Мне кажется, тогда она считала, что я прихожу, чтобы в очередной раз подводить ее. Сдержать ухмылку все-таки не получилось. И для этого тоже. Не представляю, как мне удавалось скрывать свою одержимость. Я жил ради этих двух часов дополнительных занятий в неделю. До сих пор помню название кружка: «Зарубежная литература». Я сидел в компании еще шести дураков. Вот только в отличие от меня они приходили «за знаниями». Я же фантазировал о том, как трахаю Викторию Сергеевну и большую часть урока сидел с каменным стояком. В какой-то момент показалось, что я снова в школе. Иду по коридору в ЕЕ кабинет, предвкушая очередную встречу. За спиной ощущалась тяжесть рюкзака, во рту – сухость. По телу пробегали первые волны возбуждения. Сейчас я постучу в дверь, распахну ее и войду в пустой класс. Займу парту в среднем ряду – она моя с того самого мента, когда впервые увидел Викторию... Сергеевну. Однажды даже подрался с новеньким за это место. Больше никто садиться туда не смел. Привычно брошу рюкзак на пол и сяду. Через пару минут войдет ОНА. Удивится, увидев меня, нахмурится и быстро сотрет с лица выражение «Опять он здесь». Ухмыльнусь, давая понять, что прекрасно знаю, о чем она думает. Мое сердце пытается стучать в унисон с ее шагами. Стук каблучков по старому паркету – самый соблазнительный звук, какой я когда-либо слышал. Она сядет за стол, закинет ногу

за ногу, снова бросит на меня серьезный взгляд. Меня едва ли потом не прошибает, когда мы встречаемся глазами. Прямо сейчас я представляю, как подхожу к ней, обхватываю за талию и усаживаю на стол. Мне достаточно только задрать ее юбку, развести бедра и отодвинуть в сторону трусики. Она сама потянется к моей ширинке, расстегнет "молнию" и притянет меня ближе. Подозревает ли Виктория Сергеевна, о чем я думаю, когда смотрю на нее? Когда мы вот так гипнотизируем друг друга. Я уже встаю, чтобы подойти к ней и сделать все, о чем только что фантазировал, как дверь снова открывается. Задроты-отличники вваливаются в кабинет. Дружно буравят меня пренебрежительными взглядами. Я прекрасно знаю, что они считают меня дебилом. Конечно. Ведь я ни разу не сказал ни слова ни на одном из занятий.

– ...В двухтысячном году интернат был закрыт. – Голос Киры выдернул из воспоминаний.

Я заставил себя сосредоточиться на настоящем. Мы с Иваном все еще находились в коридоре, но уже подошли к дверному проему. Что-то заставило меня замедлить шаг. Когда мы уже собирались войти, как удар под дых раздался еще один голос:

– В две тысячи первом...

– Простите?

– Прощаю. Интернат закрыли в две тысячи первом.

Либо я чокнулся, либо она действительно здесь.

– Нет, у меня точные данные...

Кира, мать твою, заткни свой рот! Я должен слышать...

– Перепроверьте их. – Помню этот тон до боли в мышцах. Когда она обращалась так ко мне, я всегда чувствовал себя дураком, не способным понять элементарные вещи. Не знаю, что ощущал больше: ярость или возбуждение.

– Черт! – Ваня достал телефон. – Что-то не так с доставкой. Пойду разберусь.

Я кивнул, радуясь, что не пришлось искать повод, как сбегать отсюда.

– Что ж... – Снова Кира. – Теперь пройдем в другой зал. Там можно перекусить. – Быстро смекнула, что спорить с Викторией Сергеевной бесполезно.

Я ухмыльнулся. Она всегда была такой: категоричной, уверенной в своей правоте. Хрупкая и женственная, держала всех нас в ежовых рукавицах. И это в ней меня безумно влекло.

Топот ног и довольные возгласы ворвались в мозг. Пиццу юные фанаты истории оценили гораздо выше экскурсии. Они перебрались в другой зал, а я вошел, стараясь ступать тихо и осторожно. Она стояла около одной из фресок, которые мы пытались восстановить. Прямая напряженная спина, скрещенные на груди руки. Черная юбка и короткий голубой свитерок. По-учительски строго и скучно. Но на меня этот наряд подействовал, как доза наркоты. Юбка обтягивала округлую задницу, выделяя каждый изгиб. Меня бросило в жар, как при лихорадке. Интересно, она хоть трусики надела под нее? Совсем рядом раздался смех, и я вздрогнул. В зал вошли два пацана. Привлеченная шумом, Виктория тоже обернулась. Даже отсюда я видел ее суровый взгляд.

– Орлов и Кулешов! Вернулись ко всем! Быстро! – Ее резкий приказ прошелся огнем по венам. Такое впечатление, что меня насадили на десяток копий разом.

Пацанов как ветром сдуло. А у меня встал. От одного только ее голоса, от интонации, с которой она велела возвращаться им обратно. Я бы отдал все на свете, чтобы она точно так же приказала что-нибудь мне. Все, что угодно. Например, задрать эту чертову юбку, разорвать к чертям и отыметь прямо у стены. Я с трудом сделал глоток воздуха.

Вика снова отвернулась. Но на этот раз она прикасалась к стене. Тонкие пальцы очерчивали какой-то узор. Или буквы. Подошел ближе, остановившись за ее спиной. По сравнению со мной она была крошечной. Маленькой. Даже не доставала мне до плеча. Вдохнул аромат, исходящий от ее волос и кожи. Что-то потрясающе терпкое. Запах настоящей женщины. МОЕЙ женщины. Я шагнул еще ближе и наклонился к ее аккуратному ушку.

– Понравилась экскурсия?

Виктория Сергеевна вздрогнула и обернулась.

На ее лице угадывались бледные очертания синяков, хотя она и пыталась их скрыть. В который раз пожалел, что не выпустил убку все кишки. Рука сама собой потянулась к Викиной щеке, но так и замерла в воздухе. Блики света отразились на ее очках, когда она запрокинула голову и резко бросила:

– Что ты здесь делаешь?

Мне пришлось сжать кулак, чтобы не запустить пальцы ей в волосы, не дернуть на себя. Она была раздражена. Даже рассержена. Смотрела на меня так словно испытывала отвращение. Сцепил зубы, чтобы не выругаться. Действительно, какого хрена я тут делаю? Пытаюсь привлечь внимание своей бывшей училки. Но вряд ли она спрашивала об этом. Что-то мешает сказать правду. Вместо ответа тоже задаю вопрос:

– Как лицо?

Она вздрагивает и тянется рукой к щеке, прямо к тому месту, где едва заметно выделяется желтизной синяк.

– Уже все прошло. Почти.

Она вдруг отводит взгляд в сторону, как будто ей неловко или стыдно. А затем неожиданно произносит:

– Прости, что не поблагодарила. За помощь. И врача. – Теперь я вижу, что ей действительно неловко. Чувствует себя обязанной мне? Или не хочет, чтобы кто-то посторонний вмешивался в ее дела? – Спасибо.

Господи... В ее голосе столько брезгливости, будто мне пять лет и я подарил ей червяка. Вроде бы и приятное сделать хотел, но подарок – дерьмо.

– Продукты были лишними. Не стоило.

Она тут же разворачивается и, видимо, собирается уйти. Рядом с ней весь контроль летит к чертям. Я просто не могу трезво мыслить. Хватаю ее за локоть. Виктория Сергеевна резко оборачивается, меня обдает ее потрясающим запахом. В ее глазах такая ярость, что я могу физически ощутить ее толчки. Пальцы крепче сжимаются на ее руке. Там, под слоем одежды, теплая кожа. И все, о чем я могу думать, как прикасаюсь к ней. Она сердито шипит:

– Что ты себе позволяешь?

Я наклоняюсь, вдыхая ее запах. В крови бурлит адреналин. Бешено стучит сердце. И это от одного лишь прикосновения. Что будет, когда я доберусь до нее так, как того хочу?

– Ничего из того, что хочу с вами сделать, Виктория Сергеевна.

Ее губы приоткрываются, а брови удивленно поднимаются вверх. Голубые глаза влажно блестят, пронизывая меня насквозь. Она дергает руку из моей хватки, но я просто физически не способен разжать ладонь.

– Отпусти меня немедленно!

Чувствую ее злость, гнев. Нежные щеки краснеют, и воображение тут же рисует картину нашего секса. Лихорадочный румянец, который покрывает ее лицо, кожу и грудь. Алые следы от моих касаний. Отметены по всему телу. Это наваждение. Или болезнь. С любой другой я практически хренов импотент. Но когда дело касается Виктории Сергеевны... Достаточно секунды, чтобы я перестал соображать. Отпустить? Нет. Наклоняюсь еще ниже. Теперь я чувствую жар ее тела. Она горит. Так же, как и я.

– Почему вы оказались в том переулке?

Она непонимающе хмурится:

– Что?

В горле пересохло. Хрипло повторяю:

– Почему в пятницу вы оказались в переулке?

– Я шла домой. Отпусти меня немедленно!

– До вашего дома далеко. Почему вы шли пешком?

– Да какая тебе разница?! Отпусти меня! – Она снова дергает руку. – Ты меня знаешь, Туманский! Если сейчас же не отпустишь...

Я не могу сдержать улыбку. Когда она была в ярости, то всегда называла нас по фамилиям. Верный признак того, что одиннадцатый «А» ожидает скорый пиздец.

– И что вы мне сделаете? Вызовите отца? Поставите в угол нерадивого ученика?

Она щурится. Не знаю, возможно ли такое, но ее глаза становятся пронзительно голубыми.

– Ты уже взрослый мальчик и вполне сам можешь встать в угол.

Чертова стерва! Мальчик? Мальчик. Член болезненно дергается, упираясь в джинсы. Меня практически трясет от возбуждения. И бешенства. Адского бешенства. Для нее я все еще мальчик. В ее голосе пренебрежение и снисходительность. А меня изнутри рвет на куски. Ненавижу ее. Она – болезнь. Съедающая изнутри опухоль. Но никого и никогда я не хотел так, как ее. И дело не в сексе. Она мне нужна. С того самого момента, как впервые увидел. В моем мозгу словно выжженное клеймо с ее именем. Я пытался с этим жить. Но забыть ее невозможно. И заменить другой тоже. Не знаю, что это. Любовь. Психоз. Зависимость. Мне плевать. Она просто должна быть моей. Возможно, если бы не встреча в той сраной подворотне, я бы и продолжал дальше пытаться делать вид, что ее не существует. Но она оказалась там. А теперь, случайно или нет, пришла прямо ко мне. Я не смогу ее отпустить и отдать другому. Не смогу. Она моя. Все эти годы была моей, но не знала этого.

– Павел, я не шучу...

От того, как она произносит мое имя, член напрягается еще больше, а перед глазами темнеет. В ушах шумит кровь. Мне нужно засадить ей до основания, чтобы хоть немного ослабить давление в яйцах. Послать бы вас на хуй, Виктория Сергеевна. А после затрахать до невменяемого состояния. Я изо всех сил пытаюсь сконцентрироваться на том, что она говорит. Но ощущение такое, будто я закинул в себя несколько доз наркоты. Память с трудом отматывает назад, и мне все же удается произнести:

– Я готов остаться после уроков. И понести заслуженное наказание... за свое плохое поведение.

Ее зрачки расширены. Наверное, от злости. Но ей давно пора понять, что мы не в школе, и я больше не ее ученик. Привычные ей правила теперь не действуют – мы будем играть по моим.

– Павел, я в последний раз повторяю...

Мне стоит огромного труда, чтобы не наброситься на нее. Внутренние тормоза уже сломаны, но в мозгу вместе с пульсом упорно бьется мысль, что так просто она мне не сдастся. Мне же необходимо, чтобы она поняла, что я чувствую. Чтобы ощутила все грани моего сумасшествия и зависания на ней. Чтобы хотела меня так же сильно, как хочу ее я.

– Раньше вы не повторяли. – Не могу сдержаться и касаюсь другой рукой ее волос. Прокладные, гладкие. То, что надо, чтобы намотать на кулак. – Неужели, теперь вы не такая строгая, Виктория Сергеевна?

Она толкает меня кулаком в плечо, и по телу пробегают разряды тока. Десять лет я ждал именно этих прикосновений. На одну короткую секунду ее язык пробегает по губам. Меня снова бросает в жар. Твою мать! И это все? Одного движения достаточно, чтобы я был готов кончить в штаны? Но она удивляет меня еще больше, когда приподнимается на цыпочки и скороговоркой выдает:

– Я всегда была слишком доброй. Нужно было задать тебе трепку! По крайней мере теперь меня не привлекут за избиение ученика.

Хрупкий кулачок опять врезается в мое плечо, и я понимаю, что все-таки схожу с ума. Проклятье! Я не против применения силы с ее стороны. Что происходит у меня в голове? Мозг ни черта не варит. Все смешалось в кучу.

– Никогда бы не подумал, что вы любите... доминировать, Виктория Сергеевна. – Не могу удержаться от искушения: отпускаю ее руку и кладу ладонь на изгиб бедра.

Она дергается, пытается отойти. Но ее волосы все еще намотаны на мой кулак, и я сжимаю его крепче, дергаю на себя. Виктория Сергеевна упирается руками в мою грудь. На ее очках пляшут разноцветные блики, как черти на могиле грешника. Провожу рукой по гладкой ткани юбки, чувствую жар ее тела. Ее пальцы накрывают мою ладонь и пытаются отодрать от бедра. Как загипнотизированный слежу за движением ее губ.

– Что тебе от меня надо?

Ухмыляюсь: у меня длинный список. Начнем с самого простого:

– Для начала номер телефона.

– Знаешь что... Иди на...

Она резко закрывает рот, тяжело дыша, а я улыбаюсь еще шире. Она никогда не скажет ни одно «плохое слово». Интересно, во время секса она отпускает себя на волю? Позволяет себе бросаться грязными словами? Я вытащу из нее каждое из них, по буквам и слогам. Прямо сейчас.

Наклонился к ее уху и тихо быстро прошептал, надеясь, что она не успеет отстраниться:

– Ну же, Виктория Сергеевна, куда мне идти? Это же так просто произнести. На хрен? На х...

– Вика!

Она так резко и стремительно отшатнулась от меня, что я едва успел схватить ее за руку. В зал влетела какая-то девица.

– О-о-о... Я чему-то помешала?

– Что случилось, Насть?

Она моментально изменилась. Отгородилась от меня еще больше. Но даже такая, собранная и серьезная, она безумно меня возбуждала. Идеальная, мать ее, учительница.

– Да-а-а... Случилось. – Дура, которая нам помешала, пялилась на нас, и меня это уже начинало раздражать. – Ты должна мне помочь их успокоить! Они меня не слушаются.

Мне пришлось отпустить Вику. Она потерянно оглядывалась по сторонам. Наверное, искала выход.

– А чем ты тут занималась? – Видимо, это еще одна учительница.

Она обращалась к Вике, но смотрела только на меня. Долгий оценивающий взгляд. Я знал, о чем она думает, лучше ее самой. Мою внешность она оценила еще когда вошла. Сейчас будет рассматривать одежду, пытаюсь определить, достойная я добыча или обычный забулдыга. Глаза жадно впились в часы и два кольца. Кажется, она поняла, что это не сторублевые дешевки, потому что на лице тут же появилась улыбка. От которой я, наверное, должен был тут же свалиться к ее ногам. Тысячи раз в жизни я оказывался в подобных ситуациях. Меня оценивали партнеры отца, пытающиеся понять, стоит ли вкладываться в дело под моим началом. Их жены, ищущие любовника на стороне. Желательно моложе и симпатичнее мужей. Девушки, с которыми меня знакомила мать. И женщины, с которыми я знакомился сам. В надежде, что хоть одна из них сможет выбить из моей головы Вику. Она как раз пришла в себя, снова превратившись в строгую преподашу.

– Рассматривала фреску и чуть не упала. Молодой человек поддержал.

– Ну ты даешь... Притягиваешь неприятности. – Она хихикнула. – Представляете, сначала на Вику напал грабитель! Он ее избил... Изуродовал! Видите, какие ужасные синяки?! Теперь вот падение... Хорошо, что вы оказались рядом. А вы тут работаете?

Если эта девка сейчас же не заткнется, то пожалееет, что вообще сюда приперлась.

Виктория Сергеевна уже полностью взяла себя в руки:

– Так что ты хотела, Насть?

– Иди и успокой этих гаденышей! Они ведут себя просто ужасно.

Мы доводили Викторию Сергеевну до белого каления. Чего только не творили. Но я ни разу не слышал, чтобы она называла нас «гаденышами». Этим она и отличалась от других. Пожалуй, ей единственной во всей школе, было не плевать на нас.

Видеть, как кто-то приказывает ей что-то сделать, было странно. Вика сжала губы. Видимо, ей тоже это не слишком нравилось. Но она промолчала. Лишь отступила еще на шаг от меня и скрестила руки на груди, как будто замерзла.

– Ладно, идем.

– Ты иди. Поработай хоть немного, а то отдыхаешь, пока я там с ними мучаюсь.

– Это твой класс. И то, что я здесь – мое огромное тебе одолжение.

Узнаю свою Викторию Сергеевну. От ее резкого тона меня прошибает новым ударом возбуждения. Ее глаза сверкают, подбородок упрямо вздернут. Она заправляет волосы за ухо, а я жадно слежу за каждым ее движением. Не знаю, как мне удастся взять контроль над эмоциями. Напоминаю себе, что мы здесь не одни, что я не могу дать волю своим желаниям. Мне стоит огромного труда заставить себя отвернуться от Виктории Сергеевны. Если продолжу на нее смотреть, то чокнусь. У меня больше нет сил. Нужна передышка. Хоть краткая. Необходимо подумать, что делать дальше.

– Надеюсь, экскурсия понравилась.

Киваю обеим, разворачиваюсь и уйду тем же путем, что и пришел.

В голове туман. Такое впечатление, что я запил наркоту дешевым бухлом, а потом еще и выкурил пачки три сигарет. Чем дальше я удаляюсь, тем сложнее это сделать. Каждый шаг – ржавый гвоздь в сердце. Она была так близко. Рядом. Я прикасался к ней. Чувствовал тепло и мягкость ее тела, вдыхал ее запах. Она должна быть моей. Должна. Неужели, она сама этого не понимает? Когда я подошел к своему кабинету, то уже твердо знал, что разрушу ее брак. Не будет никакого Ромы. Буду только я. Я стану ее мужем.

Мне знакомо это жжение где-то в грудной клетке. На этот раз оно сильнее чем обычно, как будто внутри орудует сверло. Это жжение означает, что у меня снова появилась цель. И я не успокоюсь, пока ее не достигну.

– Ну и как они тебе?

Меня догоняет Ваня.

– Классные, да?

Пожимаю плечами. Не имеет смысла делать вид, что не понимаю, о ком он говорит.

– Обычные. – Голос звучит привычно сухо и равнодушно.

На расстоянии от Вики мне уже намного легче собраться с мыслями. Мозг возвращается к работе.

– Обычные?! Ты зажрался, Паш. Обычные – это такие старухи с седой загагулиной на голове. А эти... Я бы вдул обеим. Засадил бы по самые гланды. С обеими одновременно, а, Паш? Прикинь, одну я пялю, а вторая мне...

Не отдаю себе отчета в том, что творю. Пальцы сжимаются на шее этого обноски. В другой ладони сам собой оказывается нож. Прижимаю лезвие к горлу ошметка и рычу, с трудом себя контролируя:

– Еще слово, и будешь собирать себя по частям.

– Паш... Ты чего..? – Ваня хватает ртом воздух. – Я же... Просто... Пошутил...

Я нажал лезвием на его горло. Из раны выступила кровь. Вид бордовых капель немного отрезвил. Что я творю? И зачем? Отшвырнул Ваню в сторону. Не оборачиваясь бросил:

– Ко мне не заходить, пока не позову.

Блядь! Прижался спиной к двери, гипнотизируя взглядом потолок. Может, там написано, как мне поступить? Мне опять сорвало планку. Вполне возможно, что Иван уже докладывал отцу, что мне опять снесло крышу. Но то, что он говорил о Вике... Плевать. Отец уже никак не может повлиять на меня. Мне принадлежит доля в бизнесе. И все, что я сейчас делаю –

целиком и полностью мой проект. С отцом я разберусь. А вот с Викой... Ее уже не выжечь из сердца. Никак не вытравить из мозга. Остается только смириться, что от нее я уже никуда. Я должен стать для нее такой же болезнью, как и она для меня.

Вытащив из кармана телефон, нашел нужный номер. Федя работал в ФСБ и мог помочь мне сделать то, что я задумал. К тому же был моим должником – дополнительная мотивация. Он ответил почти сразу. К моей просьбе отнесся без восторга, но через полчаса я уже знал номер Виктории Сергеевны. И не только ее.

– Вау! Ну и аромат!

Вика осторожно вытащила из духовки буженину – еще один деликатес от Павла. При воспоминании о нем и произошедшем в музее почему-то бросило в жар.

– Ну хоть кормит тебя Ромка прилично. – Лена отправила в рот кусочек. – О-о-ох... Была бы мужиком, сама бы на тебе женилась. Это чудо!

Да уж... Рома ее накормил. Враньем и предательством.

– Как экскурсия? – Лена уже тянулась к следующему куску. – Прощай, моя почти идеальная фигура.

Вика улыбнулась и, молча, пододвинула блюдо с бужениной ближе к подруге.

– Никаких проблем у Леши в общении я не заметила. Другие к нему тянутся. Умный, находчивый. Мне кажется, дело не в этом.

– Вот и я так думаю. – Лена задумчиво уплетала за обе щеки и смотрела в окно. – Но ты же мне можешь помочь выяснить? Мне кажется, виновата эта гадюка, Анастасия Викторовна. – Лена запнулась и поспешно глотнула. – Прости. Я тебя не хочу обидеть. Но как человек, мне она совершенно не понравилась. Не знаю почему. Просто ощущение такое.

Помимо воли Вика вспомнила их перепалку возле фрески. Настя явно положила глаз на Павла. На обратной дороге из поместья Настя доводила ее расспросами о Павле. Забыв про детей, она пыталась выведать у Вики, кто он такой. Вика столько раз повторила, что не знакома с ним и, что он, наверное, один из строителей, что в итоге сама начала в это верить. Но прокручивая в голове их с Павлом новую встречу, Вика с удивлением понимала, что... ревнует. Ревнует его к Насте. Павел был чем-то, что принадлежало только Вике. Ее пугало и ставило в тупик его странное поведение. И в то же время раздражало, что ему может понравиться Настя. Хотя это было вполне нормально и предсказуемо. Настя – привлекательна и уж точно следит за собой больше Вики. А еще намного моложе ее. И имеет все шансы понравиться Павлу. Вика это злило. В глубине души. И тем не менее, она не могла игнорировать зудящее ощущение в животе. Наверняка у Павла было огромное количество женщин. Еще в школе на него беззастенчиво вешались девчонки. Правда, она не помнила, чтобы он с кем-то встречался. Почти каждую неделю приходилось разбираться с прогулами, упавшей успеваемостью и истериками из-за «несчастной любви». И парни, и девушки вместо экзаменов были заняты свиданиями и выяснением отношений. Павел в подобных ситуациях никогда не оказывался. Если он с кем-то и встречался, то Вика об этом не знала. Как он вообще умудрялся столько всего успевать? И отлично учиться, и посещать ее кружки, и портить ей жизнь.

Сейчас, кажется, все началось по новой. Может, ему больше заняться нечем? Встретил ненавистную учительницу и решил заново развлечься? Вика несколько часов ломала над этим голову. Зачем он говорил ей все те вещи? Просил телефон. Намекал на то, что она любит доминировать. Спрашивал, оставит ли она его после уроков. Вика была не особенно опытна во всем, что казалось мужчинам. Как выяснилось, она и мужа своего плохо знала. Но каждое слово Павла было пропитано сексом – она чувствовала это. Как и чувствовала его опаляющее прикосновение сначала к руке, а потом и к бедру. На нее даже Рома так не действовал в лучшие их годы. От ладоней Павла кожа покрывалась мурашками, а потом запылала, как в лихорадке.

Его горячее дыхание обжигало ухо и шею странным предвкушением. Когда он нависал над ней, крепко удерживая, Вика готова была застонать от предвкушения чего-то большего. Запах его туалетной воды сводил с ума.

Господи... За такие мысли ей точно место в аду. Она замужем. А Павел – ее бывший ученик, что еще важнее. Будет просто замечательно, если у них что-то получится с Настей. Вполне возможно, что они уже нашли общий язык и в этот самый момент заняты... более тесным знакомством.

Вика едва не скрипнула зубами. Но ей на это наплевать! Это вообще не ее дело. Пусть делают, что хотят. Павел явно знает, что красив. Для него не составит труда получить любую девушку, какую только захочет. Да и Настя точно не против.

В груди все скрутилось в неприятный узел, стоило ей представить их вместе. Ей-то какое дело? Пусть развлекаются. Но это ненормальное чувство, что только она имеет право на него, не давало покоя.

– Эй, Вик! Ты чего?

Вика словно очнулась от забытья. Лена вопросительно и несколько встревоженно смотрела на нее. Вот же! Она совершенно забыла, что не одна, погрузившись в мысли о Павле и его возможных любовницах. Ее это не касается. Не касается!

– Прости. – Вика постаралась безмятежно улыбнуться. – Задумалась. Что ты говорила?

– Я спрашивала, нашла ли ты нашу стеночку? Леха мне даже фотку скинул.

– Да. Да, нашла. Все надписи на месте. – Вика не смогла сдержать мечтательного вздоха. – Но, наверное, это не надолго.

– Знаю... Леша сказал, что там масштабная реконструкция. Но фреска вроде бы пока не тронута. Как думаешь, может обратиться к их начальству, чтобы не замазывали? – Лена задумчиво свела брови на переносице.

Вика хмыкнула:

– И что это даст? Слушай, мы столько лет жили и не вспоминали об этой надписи. Что ты надеешься получить? Памятный кусок стены?

Лена громко рассмеялась.

– Ой, ну даешь, Вик! Вот теперь точно ты! Узнаю. А то как призрак была. Совсем на себя не похожа.

Да, в браке с Ромой она действительно начала терять саму себя. Очнулась, когда превратилась в его тень. Это нужно исправлять. И чем скорее, тем лучше.

– Так, а с Ромой ты решила что-нибудь?

– Да. – Вика собралась с силами и решила не тянуть. – Поэтому и позвала тебя. Мне понадобится твоя помощь.

Лена увлеченно поглощала буженину.

– Ты к нему придешь? Явишься на работу и закрутишь все гайки?

– Нет. – Вика задумчиво выглянула в окно. Снова пошел снег. – Я придумала кое-что другое.

Лена восторженно хлопнула по столу.

– Вот это другое дело! Теперь точно ты. Рассказывай свой гениальный план. Я знаю, это будет нечто. Совсем как в интернате.

Пожалуй впервые за долго время Вика по-настоящему расслабилась. Проблема с Ромой больше не казалась такой жуткой. Что бы ни происходило, она с этим справится. Обязательно справится.

– Совсем как в интернате не получится. Взламывать учительскую и переодеваться в призрак Блудницы мы не будем.

Лена так громко рассмеялась, что Вика вздрогнула от неожиданности.

– А почему нет? Может Романа удар хватит? Как наказание за все его козлиное вранье. Прости.

Вика грустно покачала головой:

– Наверное, теперь я расплачиваюсь за все козни нашим учителям. Веди я себя в интернете прилично, не получала бы то же самое от своих учеников.

– Ой, да брось. Все это глупости. Будь ты хоть святой, примерных учеников на всех не хватит. Так что ты придумала с Ромой?

Вика глотнула воздуха, набираясь решимости. Сейчас, когда она собиралась озвучить, идея казалась по меньшей мере идиотской. По большей – неосуществимой.

– Не тяни! – Глаза Лены уже загорелись азартом и предвкушением.

И Вику немного отпустило. Она просто посмотрит на это, как на очередное приключение. Как на попытку немного взбодриться и воскресить шальные годы в интернете. Она сжала кулаки и выпалила:

– Я хочу проследить за ним.

Лена не донесла до рта вилку:

– Не поняла...

– Смотри: если все действительно так, как ты говоришь, и Рома меня обманывает... – Лена перебила ее выразительным хмыканьем. Вика вздернула брови, словно общалась с нетерпеливой ученицей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.